

СМЕРШ
спецназ Сталина

ЛЕСНАЯ БАНДА

Евгений Сухов

СМЕРШ – спецназ Сталина

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Лесная банда

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сухов Е. Е.

Лесная банда / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 2021 — (СМЕРШ – спецназ Сталина)

ISBN 978-5-04-118286-1

1944 год. В освобожденной от немцев Станиславской области Украины националисты устроили настоящий террор против офицеров и солдат Красной армии. Особо отличился в этом отряд «Черный лес» под командованием краевого старшины по кличке Филин. Возглавить операцию по уничтожению бандеровцев Ставка поручает полковнику СМЕРШ Алексею Михайлову. Оперативники понимают, что матерых головорезов с наскока не возьмешь, нужна военная хитрость. Вскоре им удастся нащупать слабое место в структуре банды и выйти на ее главаря...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-118286-1

© Сухов Е. Е., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	23
Глава 4	34
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Евгений Сухов

Лесная банда

© Сухов Е., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

3 августа 1944 г. Связник

Поднявшись по узкому переулку, стиснутому с двух сторон невысокими средневековыми зданиями, Свирид Головня вышел к городской Рыночной площади. Последний раз в Станислав¹ он навещался за неделю до его штурма Советской армией. В те дни город напоминал потревоженное птичье гнездо, опутанное плотной металлической паутиной.

Немцы подошли к обороне города со всей серьезностью. С восточной стороны ими была организована крепкая эшелонированная оборона. Перед первой линией траншей – шириной в двести метров – тянулись тщательно замаскированные минные поля. На рогатках была закреплена колючая проволока Бруно, а между ее рядами многочисленные полевые укрепления – рогатки и засеки, – которые, по замыслу их создателя, должны были замедлить наступательный порыв русских.

В направлениях, где ожидался прорыв тяжелой техники русских, для усиления фортификации установили танковые засады. Повсюду – во флангах, перед второй линией окопов, – взгромоздившись на господствующие высоты, немцы оборудовали долговременные огневые точки, многократно укрепленные бетонными плитами, способными выдержать авиационный удар.

В городе ужесточился пропускной режим. Прибыло огромное количество пехоты, артиллерийских и минометных подразделений. Увеличилась численность военной жандармерии, в чьи функции входило поддержание воинского порядка и должной дисциплины.

Станислав обороняли две пехотные дивизии: немецкая и венгерская, усиленные подразделениями второй венгерской танковой дивизии. А еще на стороне немцев было время – вполне достаточно, чтобы подготовиться к серьезному натиску. Полковой артиллерией и крупнокалиберными пулеметами простреливался каждый метр: как в глубину возможной атаки, так и по всему фронту.

На штурм столь укрепленного города, переполненного тяжелой техникой и вооруженными людьми, могли отважиться только конченные безумцы. Но всем было понятно, что сражения не избежать – русские пойдут дальше.

В городе взорвали все ориентиры, которые могли бы использовать советские наводчики для артиллерийской стрельбы. Осталась лишь городская ратуша, строптиво торчавшая в самом центре города. Подорвать ее всецело не представлялось возможным. Стены состояли из каменных блоков – толстые и весьма крепкие, – за много столетий они срослись между собой и превратились в сплошной монолит, подрыв которых обязательно приведет к разрушению соседних зданий, где располагались штабы дивизий и госпиталя. Потому немцы ограничились взрывом только северо-западного крыла ратуши.

В самом городе также шли серьезные приготовления – на дорогах поставили противотанковые ежи, возвели баррикады из бетонных плит, разного металлического лома и разбитой техники – на тот случай, если вдруг советским частям удастся пробить брешь в обороне и просочиться в город.

Не помогло.

Три стрелковых корпуса русских при поддержке воздушной армии в течение суток взломали эшелонированную немецкую оборону. Затем расширили образовавшуюся брешь и неукротимым потоком влились в улицы города, сметая на своем пути всякое сопротивление.

¹ С 1939 по 1962 г. Станислав. С 1962 г. Ивано-Франковск.

Поговаривали, что русские венгров в плен не брали. К мадьярам у них имелся какой-то персональный счет. Возможно, именно поэтому венгерские дивизии оказывали особо яростное сопротивление. Как бы там ни было, но в последующие дни Головня действительно не встретил ни одного пленного венгра, зато немцев было много.

Ворвавшись танковым кулаком в город, русские даже не подумали сделать передышку и за две текущие недели сумели углубиться на двести километров, а по фронту разошлись в четыреста.

Остановить танковую армаду немецкому командованию будет непросто. За последние два года русские армии превратились в красную напасть, сметающую на своем пути любую эшелонированную оборону – с ДОТаами, минными полями, десятками рядов колючей проволоки, широкими и глубокими рвами, высокими валами...

Но это совершенно не означает, что следует отказаться от борьбы. Имеются иные формы сопротивления, в том числе партизанские, которые вынудят их покинуть Западную Украину.

Город был изрядно покалечен. Ожесточенные бои проходили буквально на каждом пяточке, о чем можно было судить по многочисленным разбитым и полуразрушенным зданиям. От некоторых и вовсе остались только груды кирпичей. Пустыми глубокими глазницами смотрелись на стенах сквозные отверстия от снарядов.

Свирид Головня с трудом узнавал некогда любимые места.

Почерневший, захламленный, обветшавший Станислав выглядел чужим. Возникшее ощущение усиливала громкая русская речь, звучащая повсюду. Передовые части Советской армии, закрепляя достигнутый успех, последовали дальше, а в городе оставались тыловые и инженерные, кому положено по долгу службы восстанавливать экономическую инфраструктуру и отстраивать разрушенные здания.

Свирид Головня подошел к церкви Пресвятой Девы Марии, отметил на стенах следы от пуль крупнокалиберного пулемета. При немцах подле храма стояли две легковые пушки с расчетом из венгерских артиллеристов. А вот за ними располагалась немецкая зенитная самоходная установка на пятитонном шасси. Теперь здесь разместились полевая кухня с тремя котлами, под которыми жарко полыхали березовые дрова.

В первом изрядно почерневшем котле варился густой гороховый суп; во втором – гречневая каша, а вот в третьем – бурно вскипала вода. Видимо, для чая. По всей площади распространялся аромат вареного мяса. Два повара в коротких белых холщовых халатах задорно переговаривались с красноармейцами, стоявшими подле, и, не давая каше пригореть, помешивали ее длинными черпаками. На площади, в ожидании скорого обеда, собрались несколько десятков человек. Разбившись на группы, они громко разговаривали, отовсюду раздавался веселый смех, будто и войны не существует, а есть обычные учения, на которых никого не убивают.

Смыв в бане пороховую гарь и грязь, солдаты выглядели добродушно. В их простоватой молодости не было ничего враждебного. Здесь же, на площади, в надежде получить похлебку в тесные кучки теснились гражданские. Среди них было немало девушек, умевших быстро приспособливаться ко всему новому. Веселыми беззаботными пташками они о чем-то разговаривали с молодыми красноармейцами.

– Дурехи, – хмыкнул Головня. – Своих им не хватает. Москали понадобились.

Свирид понимал, что это последние деньки, когда пришедшей советской власти до них нет никакого дела, а далее русские начнут устанавливать свои большевистские порядки. Точно такие же, какие здесь были в тридцать девятом. А может, даже и похуже...

Головня прошел дальше по узкому переулку и неспешным шагом вышел к греко-католическому собору, где у него была назначена встреча. Стараясь выглядеть неприметно, он шагал вдоль стены, надеясь раствориться на ее сером фоне.

При немцах на перекрестке стояли два трофейных легких советских танка Т-26, перекрашенных в немецкую маркировку. Немцы всегда с большой серьезностью относились к тро-

феям, и на переплавку шло только то, что было неприменимо в дальнейших боевых действиях. Таким добром, как танки, они никогда не разбрасывались и передавали их союзникам.

У каждого такого танка на башне было с пяток заплаток, не считая тех отметин, что оставляли снаряды, прошедшие вскользь или срикошетившие. И вот сейчас бронемшины стояли поломанные, со свернутыми на сторону башнями, как если бы им дали хорошего пинка, так и не успев направить стволы против наступающей Советской армады.

Негромко разговаривая, мимо, едва не коснувшись его плечом, проследовали трое военных. Молодые, высоченные, с расправленными плечами и прямыми спинами. Такие бывают только у строевых офицеров, дисциплинированно прошагавших по плацу не одну тысячу километров. Головы, посаженные на крепкие мускулистые шеи, поворачивались неторопливо и очень значимо, как башни тяжелых танков. Офицеры, встречавшиеся на их пути, заодно козыряли. Им в ответ – лишь небрежное движение ладонью, какое может позволить себе только человек, наделенный немалой властью.

Военнослужащих контрразведки можно узнать по движению бровей, по выражению глаз, потому как они смотрят в лицо встречных с откровенным интересом, словно проверяют на благонадежность. Шедший справа капитан – тонколицый блондин с щеточкой узких русых усов на капризно изогнутой губе – внимательно осмотрел вжавшегося в стену Свирида. Его пронзительный и острый взгляд добрался до самого мозжечка, болезненно уколол. Губы Головни плотно сжались, пытаясь удержать вырывающийся из грудной клетки крик ужаса. В какой-то момент его просто парализовал страх. Он умер стоя, как это бывает с деревом, пораженным молнией. Но офицер вдруг ободряюще улыбнулся и с самоуверенностью, столь свойственной молодости, браво заколотил подковками по серому гранитному булыжнику.

Свирид Головня отлип от стены только тогда, когда офицеры завернули за угол. И громко, уже не опасаясь тех, кто проходил мимо, он выдохнул наружу удушливый страх, сидевший под ребрами, как упругий змеиный комок. Отчего-то заболели спина и плечи, словно он целую неделю таскал на себе немислимо тяжелый груз.

В том месте, куда он вжался, наверняка осталась впадина от его тела. Головня обернулся, чтобы проверить фантастическое предположение. И правда, чепуха. Стена стояла незыблемо, как и сто, двести и более лет назад – с момента застройки города.

Бродить по улицам отпало всякое желание: еще пара таких встреч – и на хутор придется возвращаться скрюченным в три погибели. Достав из кармана часы с цепочкой, он глянул на циферблат. Связник краевого старшины опаздывал на десять минут. Для нынешнего времени – большой беспорядок. Еще нет причины, чтобы стучать в колокола, но повод для легкой тревоги все-таки присутствовал. Время было дорогое. Предстояло топать обратно, а дороги были перекрыты блокпостами и разного рода контрольно-пропускными пунктами, на каждом из которых довольно тщательно проверялись документы. С полчаса еще можно подождать, а потом, чтобы не привлекать к себе чрезмерного внимания, необходимо шагать в обратную сторону – на человека в крестьянской одежде и в новых офицерских сапогах вскоре обратят внимание. Чего же будить лихо?

Послышался нарастающий металлический грохот траков, и через несколько секунд из-за поворота показался тягач на гусеничном ходу, тянувший длинноствольную гаубицу, ствол которой заботливо, будто бы головка у дитяти, был перемотан пестрой длинной тряпицей. А за ним – громыхая, заставляя вибрировать окружающее пространство, угрожающе лязгая широкими гусеницами, в крошку разбивая гранитный камень – протарахтели самоходки и тяжелые танки. На некотором отдалении от тяжелой техники неровным строем, но достаточно бодро прошагал батальон пехотинцев.

– Заждался, Свирид? – услышал Головня знакомый голос, прозвучавший в спину.

Повернувшись, он увидел связника – Панаса Кияница.

– А я уже думал, что ты не подойдешь.

– Куда же я денусь, – усмехнулся связник. – Вон как москали вышагивают, – кивнул он в сторону удалявшихся солдат. – Хозяевами себя считают.

И уже с неприкрытым ожесточением продолжил:

– Что же это такое происходит, а? У немцев дисциплина, порядок, вооружение, а им так напододали, что они теперь к себе в Германию бегом улепетьваются.

– Может, еще и останются, – произнес Свирид Головня, и тотчас осознал, что голос прозвучал без должной уверенности.

В ответ Панас лишь только хмыкнул.

– Ты видал, как в городе Красную армию встречали?

– Не довелось, – хмуро обронил Головня. – На хуторе был.

– А я вот видел, – назидательно протянул Панас Кияница. – Когда немцев из города выбили, танки вошли. Горожане все улицы заволокли! Солдатам навстречу городские выбегают, руки им жмут, цветы на броню бросают...

– А потом что было? – поторопил Головня угрюмо замолчавшего Панаса.

– Митинг устроили, – голос у связного был тихий, совершенно бесцветный. Но заряд злости находился где-то внутри и мог жახнуть в любой момент.

Настроение было приторно терпкое, вяжущее до самой оскомины. Сводило скулы так, что хоть вой! Потребовалась затяжная минута, чтобы Свирид всецело совладал с собой и отвечал беспристрастным прежним голосом. Он угрюмо подумал, что не следует поддаваться эмоциям даже тогда, когда от досады и ожесточения на загривке трещат волосы.

– И что было на этом митинге?

– Слушать было тошно... Дескать, Польского генерал-губернаторства уже больше нет. Советская власть вернулась навсегда. Колхозы теперь будут создавать. Сталина все нахваляли... Из всех щелей сочувствующие повылазили... Думают, что при немцах им плохо жилось... Ничего, Сталин им покажет как нужно советскую власть! Они сами придут к нам в повстанческую армию, даже призывать не нужно будет.

– Поживем еще. Чего раньше времени себя хоронить... Что краевой старшина приказал?

– Сейчас москали будут украинцев в свою армию забирать. Вы должны сорвать этот призыв в своем районе. В ближайшие часы будут разосланы инструкции, как уклониться от рекрутирования. Пусть хлопцы занижают себе возраст так, чтобы не попасть под призыв. Пусть прячутся в погребах, уходят в леса. Это первое. Второе... Если не сегодня, так завтра русские начнут устанавливать свою власть, и мы должны пытаться занять руководящие места в администрации, в том числе и в военкоматах. Вот эти люди и будут готовить фальшивые справки на призывников: одни, дескать, уже померли; других – немцы в оккупации убили; третьих давно на фронт призвали. А сами проведем всеобщую мобилизацию в свою повстанческую армию. Так что основная борьба с ними впереди. Что в курнях говорят?

– Хлопцы спрашивают, когда можно выйти из схронов и с москалями сразиться! В бой рвутся хлопчики!

– Передай нашим братьям, что войны на всех хватит, скоро начнем. Схронов-то много нарыли?

– Много, на целый курень!

– Этого мало. Копайте еще на три тысячи самостийников.

– А сколько всего будет?

– Думаю, что не меньше сорока тысяч.

– Немало... Мы так и будем под землей прятаться?

– Успокойся ты, – примирительно произнес Панас. – Сначала осмотреться нужно, что к чему. Мы тем и сильны, что невидимы. Пусть передовые части подальше от города уйдут. А потом ударим им в тыл и растворимся в горах. Они не знают леса так хорошо, как мы. В этом наша сила... А как у вас с едой?

– На первое время кое-что имеется, – не очень убедительно отозвался Головня, – но скоро понадобится... Крестьяне не хотят запросто так продукты отдавать. Едва ли не в ноги приходится кланяться, чтобы краюхой хлеба разжиться.

Сняв с плеча холщовую черную котомку, Панас Кияница вытащил из нее небольшую коробку, завернутую в темную просоленную бумагу.

– Их понять можно, своим горбом зарабатывают... Возьми.

– Что это? – недоуменно протянул Головня, забирая сверток.

– Здесь карбованцы, – значительно пояснил соратник. – Не раскрывай, потом посмотришь... Будешь расплачиваться с ними за продукты.

– Деньги, что ли? – удивился Головня.

– Да. Наши деньги, украинские. Скоро по всей Украине ими расплачиваться станем.

– Откуда они?

– Из боевого фонда повстанческой армии. Будете рассчитываться с ними за продукты, за постой. Объясните селянам, пусть берегут их! Как только мы придем к власти, так обменяем карбованцы на настоящие. – Сунув два пальца в верхний карман пиджака, он вытащил из него четверо сложенный, аккуратно отрезанный клочок бумаги, изрядно поистертый по самым краям. – Вот глянь, как они выглядят.

Головня аккуратно развернул карбованец.

Купюра, напечатанная на тонкой бумаге, мало походила на серьезный денежный эквивалент. На ней отсутствовали все системы защиты: не было ни водяных знаков, ни номеров, не имелось даже печати, что могло бы усложнить типографский процесс и внушить крестьянину большее доверие. При желании таких «денег» можно напечатать во множестве, для чего достаточно иметь только типографский станок и подходящую краску.

Купюра приравнивалась к десяти карбованцам. С одной стороны банкноты был отпечатан трезубец, раскрашенный в желтый и голубой цвета, а на другой нарисован повстанец с автоматом в руках, одетый в расшитую национальную одежду. С левой стороны денежного знака было написано «Слава Украине», на правой – «Героям Слава».

Головня невольно хмыкнул, подумав о том, что хитроватого крестьянина вряд ли может убедить сомнительная бумага, пусть даже напечатанная типографским способом. Если что и может его заставить расстаться с куском хлеба, так это только запах пороховой гари, исходящий из ствола пистолета, сунутого под самый нос.

– Вижу, не нравятся тебе наши деньги, – угрюмо констатировал Панас, как если бы выносил приговор. – Только сегодня у нас других нет. Пусть привыкают к этим.

Из обычного сотника, каковым Панас Кияница был всего-то три месяца назад, он сделался доверенным лицом краевого старшины, от которого зависели судьбы тысяч повстанцев. Наблюдательный и подозрительный Панас в разговоре с собеседниками не упускал даже малого. Наверняка поведаст старшине и о состоявшейся встрече. Поделится собственными ощущениями. Руководство УПА² в подчиненных устраивает только слепая вера в самостийную Украину. Сомнений они не признают. Приходилось всякий раз доказывать, что его сознание не претерпело никаких изменений, что он все тот же Свирид Головня, каким когда-то был во время службы в батальоне «Нахтигаль».

В какой-то момент Головня почувствовал, что лицевые мышцы крепко свело, и потребовалось некоторое волевое усилие, чтобы проверить их эластичность в доброжелательной улыбке.

– Лично мне эти деньги нравятся. И слова на купюрах написаны правильные. Только главное, чтобы они понравились хуторянам, у которых мы будем животину с хлебом забирать.

² УПА – подпольная украинская военная организация времен Второй мировой войны, входила в состав Организации украинских националистов. Действовала на территории Украины.

С лица Панаса сошла отталкивающая суровость. Угловатая жесткость как-то размякла, округлилась в добродушии, и он вновь превратился в хуторского сорванца, каковым Головня увидел его впервые пятнадцать лет назад. Сейчас в нем не было ничего от хлопца из леса: ни хвои в волосах, ни паутины на гладко выглаженной рубашке, да и пахло от него не прелым земляным смрадом, а свежим мылом, как если бы он только что вышел из деревенской жаркой бани.

– Скажу тебе так... Многие и карбованцы брать не станут. За самостийную Украину воюем. Без москалей и коммунистов. Хлеб и запросто так отдадут. И на мягкую постелью уложат, и теплым одеялом укроют... Ты карбованец-то в карман припрячь, что же его всем показывать, – посмотрел он вслед двум молоденьким девушкам, шедшим в сопровождении белокурого высокого старшего лейтенанта.

Троица о чем-то оживленно разговаривала, как это бывает со старыми знакомыми, которым всегда есть о чем переговорить.

– Пули на них нет, – процедил сквозь зубы Панас.

Остановив взор на долговязой гибкой фигуре старшего лейтенанта, Головня пообещал:

– Ничего, на всех отольем.

– И еще... Скоро пшеницу собирать. Сеяли мы не для того, чтобы хлеб большевикам достался. Сбор урожая нужно сорвать! Где можно – заминировать поля, где невозможно помешать – сжечь! Активистов и предателей украинского народа убивать! Пусть боятся. Хлеб наш, и никому мы его не отдадим.

– Сделаем, – пообещал Головня.

– В следующий раз встретимся в другом месте. Не нравится мне оно... У тебя в городе какое-то дело? Ты прямо так и рвешься в Станислав... Если появилась зазноба, брось ее! Она в нашем деле только помеха. Нас ничто не должно связывать.

Не дожидаясь ответа, Панас едва кивнул и потопал дальше. Приостановился, пропустив с почтением двух солдат, волочивших за собой пулемет, и свернул за угол.

На Рыночную площадь въехали две грузовые машины с трепыхающимся брезентовым кузовом. На деревянных, поцарапанных осколками бортах был нарисован большой красный крест. Из кабины поспешно выскочил майор медицинской службы – сухощавый, подвижный, какими бывают только в молодости, – и устремился к зданию. Что-то сказал коренастому крепкому старшине, косолапо заторопившемуся следом, и проворно юркнул в приоткрытую дверь.

Свирид Головня не протопал даже два десятка шагов, как майор выскочил наружу и громко, перекрывая топот солдатской колонны, шедшей по улице, сочно прокричал высоким голосом:

– Комнаты освободили. Открывай борта! Выводи раненых.

– Сделаем! – поспешно отозвался старшина.

Привычно и как-то очень прытко он взобрался на колесо грузовика, словно краб на скользкий камень, и стал отпирать борт. Затем скинул металлическую лестницу.

Из глубины кузова на выход потянулись раненые. Их вдруг стало как-то сразу много. Большинство застыли у края грузовика, как перед непреодолимой преградой, образовав перевязанную окровавленную стену, и с надеждой, с какой малое дитя смотрит на сильного родителя, взирали на дюжих санитаров, оказывающих им помощь. Осторожно опираясь на подставленные плечи и руки, опасаясь растерять остаток сил, раненые принялись спускаться на булыжную мостовую.

Невольно приостановившись, Головня посмотрел на едва передвигавшихся, изувеченных войной бойцов. Измученные, исхудалые лица; щеки впалые, заросшие серой густой щетиной. Все героическое оставлено на поле брани. Среди них выделялся долговязый тощий юноша – обнаженный по пояс с перевязанной крест-на-крест грудью, – опиравшийся на крючковатую палку. Их взгляды на какой-то миг пересеклись, и Свирид, ожидавший увидеть в его глазах

боль, отчаяние, обреченность, невольно отшатнулся в сторону, распознав в глубине широко распахнутых очей затаенную ненависть. Это были не глаза юноши, а двустволка, направленная в самое сердце. Отказавшись от помощи санитаров, он ступил на дорогу и нетвердой походкой тяжелораненого побрел к отворенной двери. Воевать с такими трудно, такого не переубедить. Нужно сразу уничтожить, на одного врага будет меньше. Будто бы угадав мысли Свирида, молодой боец обернулся и ответил ему откровенным взором, как если бы принимал брошенный вызов.

Свирид Головня попытался даже ободряюще улыбнуться, не без труда разлепив вдруг помертвелые губы, а потом зашагал дальше – в сторону городской окраины, куда длинным нескончаемым потоком текла военная техника.

Завершалась вторая половина дня. Припекло крепенько, как здесь бывает в зените лета. С земли, закованной в серый тесаный булыжник, словно в средневековую броню, как с раскаленной жаровни, призрачным видением поднимался нагретый за день воздух. Дыхание спирало. Стараясь держаться в тени, Головня вышел на самую окраину города. Потянулся частный сектор с красиво раскрашенными домами, утопающими в густой зелени деревьев. Раскидисто произрастали каштаны; белесые стволы бука высоко тянулись к небу. Солнце, наливаясь багрянцем и оттого значительно отяжелев, склонялось неумолимо на разросшийся ельник, торчавший неровным частоколом.

В Станиславе у Свирида кроме встречи со связником имелось еще одно небольшое дело – хотелось повидать Марысю, свою несостоявшуюся любовь. Для самой Марыси он был другом ее покойного мужа, который не претендует на личные отношения и самое большее, что может себе позволить, так это присесть с ней рядышком.

В тридцать пятом в такое же знойное лето, как нынешнее, Марыся, пренебрегая ухаживаниями Свирида, вышла замуж за сына хозяина мясной лавки Николу. Широкоплечий, с пригожим лицом и васильковыми запоминающимися глазами, он даже не рос, а произрастал на дрожжах, неумолимо тянувшись макушкой к потолку. В сравнении с ним Марыся, девица далеко не маленького роста, казалась просто пигалицей. Такие парни способны ввести в искушение любую холостячку. Молодой, улыбающийся, доброжелательный – Никола буквально покорял каждого, кто с ним общался.

Он и Марыся составляли идеальную пару, созданные для того, чтобы стать примером любви и подражания. Глядя на них, рассасывалась самая скверная мысль, уступая место радости за чужое неподдельное счастье.

Свириду просто не было места на этом торжестве любви, и он отступил, дав себе слово никогда более не думать о Марысе. В действительности же не проходило и дня, чтобы Свирид не вспомнил о Марысе хотя бы единожды. Забывать ее удавалось ненадолго лишь в девичьих объятиях, а когда чувства остывали и он расставался с очередной зазнобой, то, оставшись наедине с собой, долго пялился в потолок, вспоминая милую улыбку Марыси.

Полгода назад Никола погиб в стычке с партизанами. На обычной телеге, запряженной старым рыжим жеребцом, Свириду пришлось везти убитого Николу до дома, а затем выслушивать тяжелые упреки молодой вдовы, что побратимы не сумели уберечь мужа. Проглотив все утешительные слова, заготовленные для скорбной встречи, Свирид с повинной головой покаялся:

– Прости...

Отметил, что за те несколько лет, что они не виделись, Марыся изменилась: из угловатой худенькой девушки, каковой он ее знал, переродилась в красивую женщину с округлыми линиями, столь притягательными для всякого мужского взгляда. Скорбь и радость всегда ходят под руку, как неразлучницы. И, горюя о потере друга, он не мог оторвать восхищенных глаз от женщины, которую продолжал любить.

Казалось бы, все чувства испепелило время, остался только прах, на котором не может зацвести ничто живое, но вот стоило увидеть Марысю, и как будто бы и не было стольких лет разлуки. Это не душевная буря. Не рвущийся из горла стон. Ничего такого. Волнения тоже не отыскать. Просто громче обычного застучало сердце. И невозможно было понять от чего: не то от щемящей боли, оставшейся от потери лучшего друга, не то от неожиданной встречи с желанной, но такой недостижимой женщиной. А может быть, от того и от другого одновременно.

Вдове с трехлетним сыном на руках, невероятно похожим на отца, помогали всем курением: снабжали продуктами, иной раз подкидывали денег. Чаще других в городе появлялся Свирид. Оставаясь наедине, говорили немного, чаще о беззаботном прошлом, которое, как оказалось, было и для Марыси столь же небезразличным. У женщины, заметно ссутулившейся под тяжестью недавнего горя, непроизвольно вспыхивали в глазах искорки. В точности такие же, как в то время, когда их юношество было одно на двоих.

На других женщин Головня смотреть более не мог, но и прикоснуться к Марысе тоже не смел, как если бы опасался своими неуклюжими действиями расколоть то небольшое, что продолжало их связывать. Хотя порой ему казалось, что в глазах любимой женщины он наблюдает искорки прежнего озорства: и если не призыв к решительным действиям, то, во всяком случае, должное понимание.

Впрочем, сам он, душевно израненный и распятый, не представлял, как им быть далее. Но без Марыси свою жизнь более не мыслил.

На перекрестке двух узких улиц остановился и нырнул в тень Пролетарского переулка, по обе стороны которого, защищая жильцов от палящего и яркого солнечного света, низко согнув густые ветки к земле, произрастали каштаны с густой широкой кроной. По тенистой аллее, под низким сводом из сплетенных между собой по обе стороны густых ветвей, с трудом пропускающих лучи солнца, потопал к Марысе. Через сотню метров показался ее дом с крышей из темно-красной черепицы, едва приметный из-за веток разросшихся яблонь.

Свирид уже подошел к крыльцу, готовый с головой окунуться в женскую улыбку, как дверь неожиданно распахнулась, и прямо на него вышел тот самый светловолосый капитан, с которым он повстречался полтора часа назад в центре города. За его спиной, слегка сконфуженная, заметно покрасневшая, стояла Марыся, вокруг ее красивых бедер извивалась цветастая юбка, собранная в крупные, прямые, хорошо отглаженные складки. Военный по-хозяйски, как доступно человеку, имеющему над ней власть, слегка приобнял ее за плечи и громко произнес:

– Комната меня устраивает, хозяйшка. Хорошая, чистая, светлая. Не беспокойтесь, заплачу, сколько нужно. А еще и мальчику что-нибудь принесу, смышленным растет. Скажу своему ординарцу, чтобы перенес сюда вещи.

Повернувшись, офицер увидел стоявшего у порога Головню. Видно, в его лице капитан разглядел нечто такое, что заставило переломить губы в неприятном кривом изгибе, а рука дернулась к кобуре.

Выстрел бабахнул в тот самый момент, когда широкая ладонь офицера облекла лоснящуюся темно-коричневую кобуру, чтобы извлечь на белый свет красивый кусок металла со свинцовой начинкой внутри. Дернувшись, словно от сильного удара, капитан на какое-то мгновение застыл, как если бы прислушивался к тем разрушительным процессам, что незамедлительно стали происходить в его сильном молодом теле. Будто бы осознав степень непоправимого, в глубине его глаз, еще какую-то минуту назад необыкновенно ясных, вдруг темной скорбью проявилась тень. Слегка полноватые губы, созданные для бабьих поцелуев, тотчас сомкнулись в белесую безжизненную тонкую нить, пытаясь сдержать боль, а сознание уже вопило от несправимости случившегося: «Я – убит!»

Уже непослушными ногами, подгибающимися в хрустящих коленях, понимая, что это будет самый трудный и последний путь в его жизни, офицер пошел прямо на Головню – в

желании сомкнуть пальцы на шее врага. А еще на его лице запечатлелось сожаление за бестолковую кончину, что убит ни на поле брани, как и положено боевому офицеру, а в глубоком тылу на городской окраине тихого украинского городка рядом с красивой женщиной.

– Что же ты делаешь, гад! – едва прошелестел капитан губами.

Свирид Головня, продолжая держать пистолет у пояса, разглядел в глазах офицера прожигающую ненависть и невольно отпрянул назад, подумав: «Неужто они здесь все такие?»

В какой-то момент на всей земле их осталось только двое, точнее он сам и глаза уже умирающего офицера, попиравшего все физические законы и продолжавшего упрямо шагать вперед. Вокруг будто бы образовалось безмолвное пространство, некий вакуум, нервы оголились, а чувства обострились до предела.

Неожиданно в доме громко зазвенели окна. Что это? Ах, да – это прозвучал второй выстрел. Странно, что он совершенно его не услышал, зато уловил мяуканье котенка, залезшего на качающийся ствол каштана. Бедняга никак не мог спуститься и теперь взывал о помощи.

Действительность вернулась вместе с падением мертвого тела. Ноги смертельно раненого офицера подогнулись окончательно, и он нелепо упал на ступени, совсем немного не дотянувшись до своего убийцы.

Прижав ладошку ко рту, Марыся подавила крик животного ужаса, уже готового было сорваться с ее побледневших уст.

– Успокойся, – негромко проговорил Головня, – ты здесь ни при чем.

Женщина вряд ли соображала, что было сказано, и продолжала смотреть на поверженное тело.

– Пойдем со мной в лес, – предложил Свирид Головня. – Там тебя не тронут, – протянул он руку.

– Нет, – отчаянно отскочила Марыся и громко хлопнула за собой дверь, закрываясь от всего ужасного, что произошло с ней за последние годы, в том числе и от убитого офицера, лежащего на пороге.

Замешательство продолжалось какое-то мгновение, показавшееся Свириду едва ли не вечностью. В действительности оно было не длиннее полета пули во время выстрела в упор. В следующее мгновение он услышал, как с противоположного конца улицы яростно прозвучало:

– Не уйдет, гад! Он там!!

Донеслись лающие звуки короткой автоматной очереди. С коротким свистом щеку обожгла пролетевшая пуля. Громко, будто бы барабанная дробь, застучали по твердой земле солдатские сапоги. Пригнувшись, Свирид Головня юркнул за угол дома, пробежал заросшими огородами и с разберу нырнул в густой колючий чапльжник. Раздирая лицо, кисти, он побежал прямо к небольшому пролеску, вытянувшемуся вдоль неширокого поля длинной серповидной полоской.

Далеко позади приглушенно раздавались выстрелы, доносились до слуха обрывки громкой речи. Преодолев широкую полосу кустарника, Головня юркнул в густую рожь, стоявшую перед лесом высокой колыхающейся волной. В небе, будто бы в свадебном танце, кружились два коричневых коршуна. Птицы то забирались на самый небосвод, становились едва различимыми в беспредельной синеве точками, а то вдруг, подхваченные порывами ветра, уходили на снижение и продолжали одним им понятный круговорот, невольно околдовывая зрителя плавными размашистыми движениями.

Птицам можно позавидовать – с километровой высоты все происходящее на земле выглядит как-то иначе. Попроще, что ли...

– Где он? – прозвучал громкий голос, явно принадлежащий командиру.

– Не могу знать, товарищ старший лейтенант, – прозвучал в ответ виноватый и не столь зычный голос. – Я буквально следом за ним бежал, а он как камень в воду канул.

– Вот только не в воду, боец, а в рожь. Этот бандеровец, он где-то здесь в поле прячется!
– Вот только как его тут отыщешь, вон поле какое... Можно и на пулю напороться.
– А автомат у тебя для чего? Увидишь, стреляй!
– А он не убежал дальше? – прозвучал голос третьего. Он был с заметной хрипотцой, явно принадлежавший человеку немолодому.
– А пес его знает! Может, и перебежал уже. Прыткий он больно.
– Вы вдвоем оставайтесь здесь. Может, он все-таки тут запрятался. Если что, стреляйте в эту гадину! Боевого офицера убил! Кто бы мог подумать... Такую мясорубку прошел, два года без единой царапины, а тут, в тылу... От бандеровской пули сгинул.

Несколько минут Свирид Головня выжидал. Поглядывал на колосья, колыхающиеся в такт ветру щетинистыми зернистыми головами. Немного в стороне, в белом кружеве ромашек, кровавыми пятнами произрастали маки. Осторожно, опасаясь быть узнанным, Свирид слегка приподнялся и глянул в просвет через густо разросшиеся злаки.

На самой бровке дороги с направленными на ржаное поле автоматами стояли два красноармейца и внимательными взглядами мерили неровную поверхность ржаного поля. Времени у него оставалось немного, каких-то несколько минут, далее появится вооруженный отряд автоматчиков, который за несколько минут прочешет несжатую полосу. Вот тогда конец! Но сейчас над ним застыла почти хрустально-звенящая, уходящая куда-то ввысь тишина, которую очень не хотелось разбивать.

Бойцам было не более двадцати лет. Одеты в потертые, не по размеру гимнастерки; в выцветших до самой белизны пилотках, спадающих краем на въедливый прищур, с темно-коричневым загаром, густо покрывающим их ребячьи лица, они казались несколько постарше, чем были на самом деле. Но их молодость была обманчивой: у одного на груди висела медаль «За боевые заслуги», у другого – «За отвагу». А значит, воюют не первый день, имеют боевой опыт, успели изрядно полежать под пулями и не однажды глохли от гаубичных разрывов. Для них бандеровец, спрятавшийся в рожь, не кажется опасным (на войне бывали ситуации и посложнее), всего-то очередная цель, которую следует уничтожить.

А вот это вы, хлопцы, зря!

На фронте гибнет тот, кто недооценивает коварство противника. Оба привыкли к открытому бою, так чтобы видеть противника на расстоянии автоматной очереди. Здесь другая война, и правила совершенно иные, а может, и вовсе нет таковых. К этому тоже стоит привыкать. Придется преподать вам серьезный урок.

Отыскав на земле камень, Свирид Головня что есть силы швырнул его в середину поля метров за пятьдесят. Ломая тонкие колосья, обломок с уловимым шорохом ударился о землю, привлекая к себе внимание бойцов. И тотчас в место падения, безжалостно срезая колосья ржи и взрыхляя землю, синхронно ударили две автоматные очереди.

Приподнявшись, Головня увидел, как красноармейцы поспешно двинулись в сторону упавшего камня, позабыв о том, что опасность может исходить с противоположной стороны. Теперь он видел их коротко стриженные русые затылки, пропотевшие на спинах гимнастерки, мешковатые, явно не по размеру брюки. Обратил внимание, что оба были в обмотках с ботинками.

Прицельно, затаив дыхание, выстрелил в затылок красноармейцу с медалью «За боевые заслуги». Увидел, что попал в цель – брызнул небольшой фонтанчик из расщепленных костей и крови, – и тотчас перевел прицел на второго, двигавшегося немного поодаль. Не то у него сбился прицел, не то расторопным оказался красноармеец, но выпущенная пуля вместо головы ударила ему в плечо, заставив болезненно присесть и затаиться за густо произраставшую рожь. Последующие две минуты он не вояка – будет бороться с шоковой болью, которая в этот момент должна парализовать все его тело. Пройдет время, прежде чем он сумеет адекватно принимать решения.

Не упуская драгоценных секунд, Свирид побежал через поле, ощущая подошвами каждую неровность. Сейчас главное не оступиться и не подвернуть ногу. Вот тогда ему крышка! Красноармейцы даже не доведут его до комендатуры, просто банально прихлопнут здесь же, посредине поля, и оставят гнить на солнце его молодое и некогда сильное тело.

Головня оглянулся лишь раз, когда пришло время выныривать из широкого рыжего колосящегося моря, и, не увидев опасности, юркнул в пролесок и побежал, как по ковру, по мягкому короткому мху, выстилавшему землю. Остановился только тогда, когда дорогу преградил узкий и прямой, как пущенная стрела, овраг, заросший густой ломкой лещиной. За ним раздалось вширь гречишное поле со следами от танковых гусеничных трактов, а на обочине свежими пятнами крови на месте недавнего сражения среди густой травы неровными большими пятнами произрастали сочные многолетние маки.

Осталось перебраться через овраг, пройти через гречишное поле и дальше углубиться в сосновый лес. Там его уже не достанут, там места знакомые до самого последнего дерева. К хутору можно выбраться часа за три, правда, придется сделать крюк через широкую балку, чтобы не столкнуться с армейскими частями. На пути к хутору стоит старинный костел из белого кирпича, нужно будет поставить в церкви свечу «во спасение».

Спустившись на дно илистого оврага с глинистыми крутыми бортами, Головня не без труда выбрался на поверхность – основательно поцарапанный и изрядно перепачканный.

Гречишное поле оказалось местом недавнего танкового сражения. Русские танки пытались обойти город и взять его в кольцо, но натолкнулись на хорошо организованную и укрепленную немецкую дивизионную батарею, ударившую по наступающим прямой наводкой. На поле в причудливых и самых невероятных позах застыли поверженные бронированные громадины. Через наступающий танковый полк прошел самый настоящий артиллерийский девятый вал. Даже сейчас, по прошествии нескольких суток, было видно, что закаленный бронированный металл еще не остыл и, покрывшись черной копотью, мало-помалу отдавал свое тепло вспаханной гусеницами и израненной осколками земле.

В самом центре поля с рваными траками и со свернутой набок башней, без броневых листов, стояла убитая тридцатьчетверка. Страшно было подумать о том, что внутри покореженного закопченного железа могла скрываться какая-то жизнь. Подбитый танк представлял собой нерукотворное ужасающее строение, вылепленное злодейским талантом неведомого мастера. Катки жестоко разбиты, а сорванные гусеницы кривой лентой распластались по земле.

Немного в стороне с разлетевшимися по полю траками, с несколькими сквозными дырками в обтекаемой башне, уперев гнутый ствол в землю, памятником стоял тяжелый танк «Иосиф Сталин». Теперь, когда громадина была сражена, помятая во многих местах, неузнаваемо изуродованная, трудно было поверить, что совсем недавно суровая геометрия бронированного железа могла наводить ужас на передовые полки неприятеля. Более жалкого зрелища, чем изуродованный в бою танк, трудно было представить. Еще три подбитые бронемашины с вывернутыми башнями замерли у самых траншей; вместо люков – черные провалы. Сбитые башни – черные, основательно прогоревшие – превратились в металлический хлам и были хаотично разбросаны по всему полю.

А далее шла немецкая артиллерийская батарея, точнее то, что от нее осталось. Дивизионные пушки были раздавлены, лафеты помяты и покорежены, а некогда грозные стволы уродливо торчали из земли. Повсюду, куда ни глянь, валялись отстреленные гильзы от бронбойно-зажигательных снарядов, исковерканные и сплюснутые болванки. Из земли торчали куски колючей проволоки, а в траншее валялся покореженный станок для спирали Бруно.

Рубка была нешуточная. Вряд ли кто уцелел из артиллерийского расчета. Над полем витал смрадный приторный запах разлагающейся плоти. Трупы, еще не убренные и едва присыпанные землей, лежали по всему полю и взывали к милосердию. В зарослях гречихи валялись разбросанные расщепленные бревна – то небольшое, что осталось от землянки.

Головня невольно ускорил шаг, стараясь как можно быстрее пересечь поле и добраться до соснового леса. Споткнувшись, не сумел удержать равновесие и упал прямо на что-то мягкое. Приподнявшись, увидел, что находится в яме, до самого верха заполненной спрессованными разбухшими телами. В лицо дохнуло приторное зловоние, запах был настолько удушливый, что ему показалось, будто бы он проник под одежду и забрался в каждую клетку его тела. Приподнявшись и преодолевая в себе отвращение, которое уже подкатывало к горлу, Головня отошел на несколько метров и долго отряхивался, как если бы хотел сбросить с себя не только комья земли, но и прилипший к штанинам запах.

Свирид не прошел и сотни метров, как неожиданно услышал строгий голос:

– Стоять!

Головня невольно приостановился, осознавая, что другого выхода не существует. Человек, стоявший за его спиной, не промахнется. Следующая команда прозвучала более требовательно:

– Подними руки!

Головня повиновался. Затылком он почувствовал враждебный бескомпромиссный взгляд и едва подавил в себе желание, чтобы не притронуться к голове пальцами.

– А теперь медленно повернись... И чтобы без глупостей!

Не опуская рук, Головня медленно развернулся и увидел в десяти шагах от себя советского капитана, уверенно сжимавшего в руке трофейный «вальтер». По обе стороны от него два бойца, в руках одного – автомат, а другой держал карабин, направленный точно в середину его груди. Немного поодаль с лопатами в руках стояли еще четыре человека. Не иначе как прибывшая похоронная команда. Появились они из распадка, острым углом врезавшимся в гречишное поле. Наверняка в глубине лесочка разместились какая-то стрелковая часть. Как подтверждение его мыслям, из молодого редкого дубровника раздался размеренный стук топора. Решили обустроиться в чаще, благо что воздух свежий, когда еще таким надышишься. А то все копать, смрад да дым. А потом и на постой в городе не встанешь, квартир на всех не хватает.

– Обыскать! – приказал капитан бойцу, стоявшему от него по правую руку.

Красноармеец привычно забросил за плечи винтовку и скорым шагом подступил к Свириду. Умело простучал широкими крестьянскими ладонями карманы брюк, поколотил по тужурке и, натолкнувшись пальцами на пистолет, произнес:

– Есть товарищ капитан... «наган»!

Голос у него оказался сильным, неприятным, будто бы через рваные меха гармоники прорывался воздух. Капитан приблизился, забрал у бойца «наган».

– Документы не нашел?

– Нет, товарищ капитан.

– Понятно... Где ты так перепачкался, – доброжелательно поинтересовался офицер.

– Упав. Земля тут неровна, он як танки поле перепахали.

– Заметил уже, – охотно согласился офицер, – вот только перепачкался ты в зеленой глине, а тут коричневая. Через овраг, что ли, переползал.

– Не памятаю, где забруднился. Дорога длинная, до свояка йшов. А там невеликий овражек, – махнул Головня далеко в сторону, чувствуя, как немигающий взгляд офицера забирает остатки сил, – там и поскользнулся.

– Ишь ты, – продолжал капитан держать перед собой пистолет, ствол которого был направлен в левую половину груди Свирида. Война приучает к недоверчивости, – на все у тебя ответы имеются. Вот только глина-то на штанах свежая, даже подсохнуть не успела. А пистолет где взял?

– На поли знайшов. Тут цього добра полно. Он даже пушки е.

– И зачем тебе пистолет?

– Сьогодні пістолети у всіх єсть. Разны люди по дорогах шастають. Должен же я симью зашитять, – уверенно глянул он в глаза капитана кофейного цвета.

– А что за стрельба там была?

– Где?

– С того места, откуда ты прибежал.

– Звидки ж мени знати? – пожал Свирид плечами. – Мало хто стреляти може. Все-таки война йде.

– Где ты живешь?

– На хутори живу. У села Криворог, – кивнул Головня в сторону дороги.

– А что же ты тогда не в ту сторону идешь?

– Так брата двоюрядного хотив провидати. Крюк невеличкий.

– Вижу, что много у тебя родственников.

– Чим багати! А то як же. Всю жизнь тут живу. Прадиди и диди тут мои поживали.

– Почему документов с собой нет?

– Це ми при немцях вси документи тягали, чого ж ми при ридной советской владии носити будемо.

– Сладко ты поешь, как я погляжу... Вот только кто знает, свой ты или не свой. Может, ты полицаем при немцах был.

– Так, який же я полицай? – искренне завозмуцался Головня. – Чи по мени не видно, що я свий.

– Не видно... Значит, говоришь, что пистолет этот здесь нашел? А вот только ствол жженым порохом воняет. И стреляли из него какой-то час назад. Даже не остыл толком. Это не тебя, часом, ищут? – показал он на группу бойцов, шагавших к ним через поле.

– Так селянин я, чого мене шукати, якщо потрибно, так я сам прийду куди треба! Мене тут все в округу знають, всякий пидтвердить, хто я такий.

– Вот и разберемся, селянин! Вяжи его!

Глава 2

Ставка Сталина

Сталин аккуратно положил коротенькую курительную трубку на край темно-синей стеклянной пепельницы, после чего открыл бутылку «Боржоми» – уже наполовину початую; наклонил ее над пустым граненым стаканом и заполнил на четверть. Иосиф Виссарионович не просто наливал минеральной воды: он священнодействовал, и от его неторопливых размеренных движений невозможно было оторваться, они буквально завораживали.

Начальник Главного управления контрразведки Смерш Виктор Абакумов, смотрел на красивую руку вождя и ждал продолжения нежданно прерванного разговора.

Сделав два небольших глотка, Иосиф Сталин поставил недопитый стакан на место. Для чего-то подошел к патефону с ручным заводом, стоящему на тумбочке, и взял одну из пластинок, где синим карандашом было написано «хор.». Виктор Семенович невольно обратил внимание, что это была пластинка с записями Федора Шаляпина, которую он мог слушать по нескольку раз кряду. Протер канавки от невидимой пыли куском мягкой ветоши и положил пластинку на место.

Музыку Иосиф Виссарионович любил. Даже сейчас, во время войны, когда буквально каждый его час был расписан по минутам, он находил время, чтобы посетить Большой театр и послушать Лемешева. Для него музыка была больше, чем красивые звуки. В зависимости от ее сочности и интонаций она могла быть скалистым неуютным берегом, веющим пронзительным холодом, или зрелым пшеничным полем, от которого исходит живительное благодатное тепло.

Мимо внимания Сталина не проходила ни одна выпущенная пластинка. Не доверяя чужому мнению, он предпочитал выносить собственные суждения и, прослушав очередную музыкальную запись, делал на бумажном круге пластинки короткие пометки: «хорошо», «сносно», «плохо», «дрянь».

Иосиф Виссарионович слушал только пластинки, помеченные «хорошо» и «сносно», куда вошли голоса практически всей дореволюционной певческой школы. Пластинки в исполнении Федора Шаляпина неизменно получали высший балл.

За минуту до встречи с Виктором Абакумовым Иосиф Виссарионович слушал пластинку оперы Джузеппе Верди «Травиата», где Иван Козловский выступал в роли Альфреда. Эта была мелодия, перерастающая из робкого нежного цветка в красивые сочные звуковые формы. На очереди была пластинка «Князь Игорь» с музыкой Александра Бородина, где Сергей Лемешев исполнял главную партию.

Так уж случилось, что слепая судьба свела два великих тенора на одной сцене Большого театра. Конечно, присутствовало некоторое соперничество в творчестве, но это не мешало им по-доброму приятельствовать в обычной жизни. И чем крепче дружили два великих оперных актера, тем сильнее и забавнее становились противостояния между их воинствующими поклонницами, о чем весело судачила вся театральная Москва. Количество почитательниц великих артистов было столь велико, что ими до отказа можно было бы заполнить все площади Первопрестольной.

Подняв курительную трубку, Сталин обнаружил, что табак уже успел прогореть. Недовольно покачав головой, вождь тщательно выбил его в пепельницу.

– Откуда же взялась у украинских националистов армия? Прежде у них ее не было.

– Все так, товарищ Сталин, – уверенно заговорил начальник Главного управления контрразведки Смерш, – у них были всего лишь разрозненные немногочисленные отряды, но уже с весны сорок третьего они объединились, а позже сформировали украинскую повстанческую армию с единым центром.

– Откуда руководство армии мобилизует людей?
– В эту армию идет самый настоящий призыв украинцев, за отказ подчиниться – немедленный расстрел!

– Какова структура этой подпольной армии, ее подразделения?

– Повстанческая армия делится на четыре больших соединения. Есть УПА-Север, охватывающая территорию Полесья и Волынскую область. Затем УПА-Запад, наиболее реакционно настроенная к советскому строю, включающая территории Буковины, Галиции, Закарпатья и Закерзонья. Третья часть – УПА-Юг, охватывает территории Подолья: это Каменец-Подольский, Винница, а также Киевская и Черниговская области. УПА-Восток размещается на территории Житомирской области, частично Киевской и Черниговской областей. Каждая из этих частей поделена на округа, которые, в свою очередь, подразделяются на участки, – четко доложил Абакумов. – УПА тщательно законспирирована, большая ее часть скрывается в горно-лесистой местности, в труднодоступных местах.

– И сколько человек у них под ружьем?

– Число всегда колеблется, но приблизительно более двухсот тысяч бойцов.

– Двести тысяч? – удивленно протянул товарищ Верховный главнокомандующий. Грузинский акцент Сталина стал более заметен. – Немало... Нужно же как-то прокормить такую большую армию, да еще и спрятать ее? Мне известно, что они находятся в лесу, в горах, но ведь после их пребывания должны оставаться какие-то следы, по ним можно выяснить, где прячется противник.

– Они действительно действуют очень скрытно. Многому их научили специалисты абвера, которые учли весь опыт партизанской войны и собственное поражение в сорок втором и сорок третьем годах. Тактика их заключается в том, чтобы избегать открытых столкновений, а наносить удар по частям Красной армии исключительно в тылу: уничтожать небольшие гарнизоны, разрушать инфраструктуры, пути сообщения, пускать под откос эшелоны, взрывать склады с боеприпасами и горючим, а после выполнения диверсионных акций прятаться в заранее оборудованных и хорошо замаскированных блиндажах и схронах, имеющих многоплановое значение. В таких сооружениях могут размещаться склады, радиосвязь, казармы. Даже типография, где они печатают свои деньги. Кроме того, им очень активно помогает местное население.

– Значит, вы утверждаете, что на Западной Украине националисты перешли к активным действиям? – внимательно посмотрел Сталин на сидящего с распрямленной спиной Абакумова.

Виктор Семенович сделал попытку подняться, слегка отодвинув стул, но Сталин легким движением руки остановил его.

– Именно так, товарищ Сталин. Их действия приобретают более наглый и откровенно агрессивный характер. В некоторых районах Западной Украины бандеровцы организуют мощные укрепления с долговременными огневыми точками. Пытаются брать под контроль значительные территории. Уже случилось три подобных случая, когда нам пришлось брать эти позиции с помощью боевых частей с применением тяжелой техники и авиации.

– Откуда они берут вооружение и боеприпасы? Меня заверили, что все оставленные немцами склады с боеприпасами находятся под нашим контролем.

Всем была известна привычка Сталина курить «Герцеговину Флор». Двух папирос хватало на то, чтобы заполнить трубку. Но в этот раз на его столе лежала небольшая цилиндрическая картонная коробочка с отменным английским табаком «Принц Альберт». Открыв ее, Сталин положил несколько щепоток в трубку.

Поговаривали, что этот табак ему подарил премьер-министр Черчилль.

– По нашим агентурным данным, со складов немецких армий «Юг» еще задолго до своего отступления немцы передали бандеровцам двадцать шесть тысяч автоматов. Более десяти

тысяч пулеметов. Около тысячи минометов. В их распоряжении имеются даже танки и артиллерия. Все полученное оружие они спрятали в сخронах еще до наступления нашей армии.

Взяв коробок со спичками, лежавший поверх бумаг, Иосиф Виссарионович ответил:

– Таким оружием можно вооружить полноценную армию.

– И это только то, что нам известно по агентурно-оперативным данным. Есть обоснованные подозрения, что оружия у них значительно больше. Бандеровцы всецело находятся на обеспечении у немцев. По воздуху им доставляют рации и батареи к ним, взрывчатку, боеприпасы, оружие, обмундирование, продовольствие и медикаменты. Украинские националисты делают все, чтобы противостоять установлению на Западной Украине советской власти. Убивают председателей колхозов, учителей. Типичный случай: в одно из сел направили трех молодых учителей, женщины, только окончили пединститут. Им по ночам пришлось прятаться в подвале, чтобы не растерзали националисты. Через месяц уехали обратно, не вынесли психологического давления. Так и сказали, что готовы работать где угодно, но только не на Западной Украине.

Иосиф Виссарионович чиркнул спичку о коробок и глубоко втянул в себя сладковатый табачный дым. Подержав его в легких, бесшумно выдохнул.

– Если у бандеровцев под ружьем целая армия, то и мы должны применить к ним ответные жесткие меры. В ближайшие месяцы все их части должны быть перемолоты. Сегодня же я отдаю распоряжение, чтобы в самое ближайшее время усилить тылы на Украине армейскими частями. Вы же, в свою очередь, усильте фильтрацию военнослужащих, побывавших в плену и воевавших в окружении.

– Уже приступили к работе, товарищ Сталин. Еще двадцать восьмого июля, сразу после завершения Львовско-Сандомирской операции и освобождения Станислава. Галиции мы уделяем наиболее пристальное внимание. Выявлено много полицаяв и разного рода гитлеровских холоуев, среди них немало и тех, кто участвовал в карательных акциях против мирного населения на Украине и в Белоруссии.

– Это хорошо... Станиславская область – особый регион, сложный, – сдержанно заметил Сталин, пыхнув дымом. – До тридцать девятого года эта территория была польской, а раньше Станислав входил в состав Австрийской империи. Его жители еще не успели всецело принять советскую власть и своим характером и поведением значительно отличаются, скажем, от жителей Подмосковья или Сибири. Этот фактор нужно тоже учитывать... Придется очень много потрудиться, товарищ Абакумов, чтобы у людей появилось доверие к советской власти. А с теми, кто мешает обустраивать мирную жизнь наших граждан, следует беспощадно бороться. У вас есть человек, кто сумел бы организовать правильную работу в Станиславской области? Может быть, у вас имеются какие-то пожелания?

– Товарищ Сталин, я предлагаю в Станиславской области создать управление Смерш, которое будет работать в полном взаимодействии с управлением военной контрразведки Смерш Первого Украинского фронта. Возможно, потребуются войсковые операции против УПА. Управление возглавляет генерал-майор Николай Алексеевич Осетров.

– Кого вы планируете поставить начальником управления Смерш Станиславской области? Нужен такой человек, чтобы он и город помог отстроить, и советскую власть в области установить.

– Для этой должности более остальных подходит полковник государственной безопасности Михайлов. За время службы он проявил себя с лучшей стороны. Сам родом из Украины, родился в Луганске. Долгое время работал на Украине на разных партийных и административных должностях. Обстановку на Украине знает как никто другой. До войны был начальником госбезопасности области и награжден орденом Красной Звезды и знаком «заслуженный работник НКВД». Опыт по установлению советской власти на Западной Украине у него немалый. С предателями и фашистскими холоуями беспощаден. Полковник Михайлов очень умело

проявил себя перед самой войной, раскрыв широкую агентурную немецкую сеть. Человек он хваткий, цепкий и будет на своем месте.

– Что ж, пусть так и будет, – согласился Сталин. – А кого вы видите в должности начальника управления Станиславской области НКВД?

Вопрос прозвучал немного не по адресу. Лучше всего на него мог бы ответить нарком внутренних дел товарищ Берия. Но Сталин любил задавать неожиданные вопросы.

– Я могу только сказать про тех людей, с которыми когда-то работал или работаю. Мне кажется, что для предстоящих целей лучше всего подойдет кто-то из местных, например полковник Завгородний.

– Мы учтем ваше мнение, товарищ Абакумов. Этот район для нас имеет первостепенное значение. Нужно не только укрепить наши границы, но и в кратчайшие сроки сделать так, чтобы народ поверил советской власти. Предстоит большая идеологическая и разъяснительная работа, но действовать предстоит твердо. Какие банды сейчас орудуют в Станиславской области?

– Их несколько... Наиболее крупное из них подразделение «Черный лес». Имя командира нам в настоящее время точно неизвестно... Но мы знаем его псевдоним – Филин. Одно время он возглавлял службу безопасности украинских националистов. Лично участвовал в сожжении белорусских деревень. Палач, каратель, на его руках немало крови мирных советских граждан. Сейчас мы собираем о нем более полную информацию...

Иосиф Виссарионович сумрачно помолчал, после чего продолжил своим обычным спокойным голосом:

– Не сомневаюсь, что вы скоро узнаете имя этого Филина... Все главари украинских фашистов, мешающих построить нам мирную жизнь и подбивающих население на вооруженную борьбу против советской власти, должны быть уничтожены. Начните с него.

– Слушаюсь, товарищ Сталин!

– И еще... Подготовьте обобщающий доклад Государственному комитету обороны о бандах украинских националистов. Неделю вам хватит на написание доклада?

– Вполне достаточно, товарищ Сталин.

Глава 3

9 августа. Новое назначение

В какой-то степени к смене мест полковник Михайлов привык. Только за последний год поменял три фронта и четыре должности. Служил начальником особого отдела Сталинградского фронта, затем заместителем начальника Управления контрразведки Смерш Сталинградского фронта, затем Брянского – в той же должности. Короткое время был заместителем наркома госбезопасности Узбекистана. Там он должен был, по идее, задержаться надолго, но его неожиданно вызвали в Москву к заместителю начальника Управления контрразведки Наркомата обороны товарищу Селивановскому.

Уже на следующий день Михайлов был в его приемной. Дождавшись приглашения и стараясь выглядеть бодро, он шагнул в сравнительно небольшой, аскетически обставленный кабинет.

– Как добрались, Алексей Никифорович? – дружелюбно спросил Селивановский, пожимая руку.

– Благополучно. Спецрейсом. Проблем не было.

– Вот и хорошо. Присаживайтесь... Надолго я вас не задержу. Давайте перейдем сразу к делу... У руководства есть решение отправить вас на новое место службы. Что вы на это скажете?

– Я человек военный, готов ехать на любое место, где буду полезен родине.

Внимательно посмотрев на вытянувшегося полковника, начальник кивнул:

– Мы не сомневаемся. Знаю, что вы уже обжились в Узбекистане. Квартира у вас хорошая, в самом центре Ташкента. Коллеги вас ценят, но у начальника Главного управления контрразведки на вас другие планы...

– Вы направляете меня на фронт? – не сумел удержаться от вопроса Михайлов.

Работая в Узбекистане, за тысячи километров от войны, он чувствовал некоторую невос требованность. Конечно, от безделья не маялся, и дел хватало: занимался эвакуированными – раз; участвовал в создании новых производственных мощностей, столь необходимых фронту, – два; выявлял дезертиров, предателей и шпионов, которых тоже здесь хватало, – три. Но вместе с тем Алексей Никифорович ощущал какую-то оторванность от основного дела. На западных границах идут серьезные бои, гибнут люди, а он вынужден заниматься кабинетной работой. Держать в тылу офицера, имевшего фронтовой опыт, не самое лучшее решение, думалось ему. Конечно, работа, которую он сейчас выполнял, тоже необходима, но с ней могут справиться и другие, менее подготовленные сотрудники.

– Я готов, товарищ генерал-лейтенант.

– Не торопитесь, Алексей Никифорович, – с некоторой напускной строгостью отозвался Селивановский. – Кажется, вы украинец?

Крепкий, кряжистый, энергичный, обладавший немалой силой, он всегда смотрел на собеседника в упор – пронзительными серыми глазами. Генерал-лейтенант Селивановский был кадровый контрразведчик. Людей такого калибра в Смерш было немного. Свою службу он начал в Особом отделе ОГПУ Среднеазиатского военного округа и, показав себя как хваткий оперуполномоченный, был направлен в Высшую спецшколу ОГПУ, которую успешно окончил. Далее его карьера развивалась стремительно: через пару лет был переведен в аппарат Особого отдела ОГПУ, а потом – в Главное управление государственной безопасности НКВД.

О Николае Селивановском, как и о всяком руководителе, говорили немало. Но больше хорошего. В храбрости ему не откажешь: на Туркестанском фронте с шашкой наголо вместе с кавалеристами рубился с басмачами, а в Сталинградскую битву, где был начальником Особого

отдела фронта, тоже от пуль не прятался. Однажды вместе с бойцами как обычный пехотинец брал высоту. В тот раз его полушубок был прострелен в трех местах.

– Так точно, украинец, – несколько обескураженно отвечал Михайлов, не понимая, какое отношение к предстоящему назначению может иметь его национальность.

– Расскажите немного о себе, – негромко попросил Селивановский, постучав пальцами по столу.

Алексей Никифорович был уверен, что его личное дело заместитель начальника Управления контрразведки Наркомата обороны уже прочитал, возможно, даже сделал для себя какие-то выписки. Генерал-лейтенант Селивановский вообще отличался обстоятельностью. Значит, сейчас он хотел услышать детали, которых не было в официальных документах.

Что ж, извольте...

– Родился в Луганске. Работал чернорабочим на патронном заводе. Потом у кулака на Кубани, на хуторе Погорелый. Затем был рассыльным в Донецком губкоме. Вернулся в Луганск, окончил машиностроительный институт. Далее работал по комсомольской линии. В Краснодаре был секретарем Кустовского комитета, еще через полгода был привлечен на партийную работу...

– Вы мне вот что скажите, с какой должности вы пришли в органы НКВД, – неожиданно прервал Селивановский.

– Год я был заведующим отдела руководящих партийных органов Каменец-Подольского обкома, а в январе тридцать девятого был назначен начальником обкома.

– У вас весьма впечатляющий послужной список, Алексей Никифорович... Это похвально, люди с таким опытом работы для нас особенно ценны. Всюду вы проявили себя только с лучшей стороны. В связи с этим мы решили назначить вас начальником Управления контрразведки Станиславской области. В настоящее время это весьма сложный участок работы... Но район вы знаете хорошо. Людей тоже. Подберете сами... Чего хмуритесь? – неожиданно усмехнулся Селивановский. – В самом начале войны, когда я возглавлял военную контрразведку Юго-Западного направления, нас всего лишь двое было, я и шифровальщик. Хм, в помощь мне его дали... Ничего, разобрался на месте, подобрал нужных людей. А ведь тогда и кадров не было, не то что сейчас... Помню неразбериха полная на фронте творилась. А потом как-то дело легче пошло. Товарищ Сталин не зря говорит: «Кадры решают все»! Перед самой войной ведь вы возглавляли управление НКГБ Станиславской области?

– Так точно, товарищ генерал-лейтенант.

– Думаю, что войдете в работу в течение нескольких дней. Большого позволить мы вам не можем... Круг ваших полномочий будет значительно расширен. На освобожденной от немецких захватчиков территории вы должны будете установить советскую власть в самые кратчайшие сроки! Все антисоветские элементы, объявившие войну советскому народу, должны быть беспощадно уничтожены! В первую очередь это касается различного рода бандформирований: всех этих оголтелых фашиствующих украинских националистов шухевичей, бандеровцев и прочей нечисти... Для этой цели в вашем распоряжении будут армейские подразделения. Нужно будет выбить из-под ног украинских националистов всякую почву для антисоветских проявлений. Работать вам предстоит со всеми слоями населения. И это не только душещипательные беседы... Вам понятно, о чем я говорю? – переспросил Селивановский.

– Так точно, товарищ генерал-лейтенант, – энергично кивнул полковник Михайлов, слегка распрямившись.

– Активнее работайте с местным населением. Это наша главная опора. Нужно создать широкую агентурную и осведомительскую сеть. Мы должны знать о настроениях во всех слоях местного населения, чтобы вовремя среагировать на какие-то неудовольствия или протесты.

Немного помолчав, Селивановский добавил:

– А они будут... Уж слишком сложный район вам достался. Хотя подсказывать в этом вопросе, думаю, нет никакой необходимости, вы достаточно уверенно проявили себя в работе с немецкими шпионами еще до войны. Если у вас возникнут какие-то вопросы или просьбы, немедленно сообщите. Сделаем все возможное, чтобы помочь вам! Направление вашей работы для нас является приоритетным. Можете быть свободны.

Развернувшись, полковник Михайлов едва ли не чеканным шагом вышел из кабинета и выдохнул только тогда, когда оказался в длинном прохладном коридоре.

* * *

Сборы были недолгими. Жена безропотно, как и положено верной боевой подруге, приняла новое назначение мужа. По-деловому упаковала немного имущество в коробки и ящики, аккуратно сложила костюмы и платья в чемоданы и стала дожидаться отъезда.

Выехали на следующий день, оставив без сожаления Ташкент, к которому вроде бы уже начали привыкать...

На аэродроме в Станиславе полковника Михайлова встречал грузовик (в кузов сложили упакованные вещи) и «Виллис», в салоне которого Михайлов разместился вместе с женой и дочерью. Еще через час они подъехали к небольшому частному дому в черте города, который им выделили под жилье.

За последние три года Михайлова немилосердно потрепала судьба: его бросало не только по горизонтали – с одной географической точки на другую, разделенных между собой тысячами километров, но и по вертикали, как случается с хлипким суденышком, попавшим в десятибалльный шторм: то поднимет на самый гребень, а то вдруг закинет в такое дно, куда не проникают даже солнечные лучи.

В долгой службе было все: и заслуженные поощрения, и несправедливый гнев начальства; и досадный перевод на низшую должность, и неожиданное повышение. Но как расценить нынешнее назначение начальником Управления контрразведки Смерш Станиславской области, он пока не знал, как и не ведал о том, как долго пробудет на этом месте. Впрочем, все это было несущественно – важно было другое: к порученному делу следует отнестись со всей серьезностью.

Под управление было выбрано здание, где Михайлов служил еще до войны. Это был красивый старинный имперский особняк с фамильными дворянскими гербами на средневековых стенах. Одна беда – в сорок первом году немцы разместили в этом доме гестапо. Алексей Никифорович велел отдраить каждый сантиметр площади, куда могла ступить нога фашистского зверя.

– Чтобы и духа немецкого здесь не осталось! – громогласно высказался он.

В особняк полковник Михайлов въехал только на третий день своего назначения, расположившись в том же самом кабинете, где сживал в июне сорок первого, до ухода из города.

Позже выяснилось, что этот кабинет занимал начальник гестапо города штурмбаннфюрер СС господин Шнит. Жаль, не поймали гада – у горожан к шефу гестапо имелся серьезный счет, но ему удалось ускользнуть буквально за минуту до вступления Советской армии в Станислав, переодевшись в полевую форму пехотного капитана.

Еще через два дня был утвержден штат Управления контрразведки Смерш Станиславской области: часть офицеров Михайлов вызвал из Ташкента, а других нашел на месте, в органах НКГБ.

Первым делом сотрудники Смерш среди многих тысяч пленных немцев стали выискивать эсэсовцев, исполнявших карательные функции на оккупированных территориях. Выявить их было несложно. Каждый из них специальным приказом рейхсфюрера Гимmlера обязательным порядком должен был нанести татуировку своей группы крови латинскими буквами

на внутренней стороне плеча на расстоянии пятнадцати сантиметров выше локтя. Во время боевых действий такая татуировка давала преимущество перед другими военнослужащими: эсэсовцы получали в госпиталях медицинскую помощь в первую очередь. А уж если крупно не повезет, то можно было рассчитывать на достойное погребение.

Набралось с полсотни человек, среди которых оказался и начальник лагеря военнопленных. После тщательных допросов (с установлением личности каждого из них), выявления их деятельности на оккупированной территории (а грехов за ними оказалось немало, включая убийство около десяти тысяч евреев по всей Станиславской области) незамедлительно передали все дела в военную прокуратуру.

На второй день после вступления в должность Михайлов выяснил, что в соседних лесах бандеровцы под началом атамана Филина взяли под свой контроль целый район. По периметру расположения частей повстанческой армии были вырыты траншеи, протянута колючая проволока в три ряда, а на высотах оборудованы долговременные огневые точки. УПА, состоящая из рот и батальонов, выглядела серьезным противником, имела крепкую дисциплину; многие обладали боевым опытом; другие успели послужить в полицейских и карательных подразделениях, окончили диверсионно-разведывательные школы абвера и партизанили в советском тылу.

Во время штурма района, занятого бандеровцами, с обеих сторон была применена артиллерия, минометы и крупнокалиберные пулеметы, что по своему масштабу больше напоминало войсковую операцию, нежели ликвидацию бандформирований. Бой продолжался несколько дней, пока бандеровцы не были разгромлены. Блиндажи, землянки, схроны взорвали. Значительная часть непримиримых, не пожелавших сложить оружие, была уничтожена на месте, меньшая – взята в плен, а горстка националистов вместе с атаманом Филином как-то сумела просочиться через кордоны.

Оставалась главная задача – установить в районе советскую власть. Задача легкой не казалась. Желających помочь находилось немного. В сопровождении отделения автоматчиков полковник Михайлов объезжал окрестности и в каждом селе назначал председателя. Кроме моральной поддержки обещалась и физическая защита.

Казалось, все учтено: бандеровцев из крупных населенных пунктов выдавили, на дорогах установили контрольно-пропускные пункты, где проверяли всех, невзирая на пол и возраст. Но до стабилизации было еще очень далеко. Вскоре Михайлов получил сообщение, что трое недавно назначенных председателей были зверски убиты.

В котором часу ночи было совершено убийство, никто точно из селян не знал, как не ведали и того, кто именно заходил к председателям в дома.

На охрану к оставшимся председателям Михайлов отправил по наряду красноармейцев, но до места назначения они так и не добрались – были расстреляны из-за кустов, когда проходили через лес. В эту же неделю прилюдно были повешены еще три председателя, а уцелевшие дружно отказались исполнять обязанности.

Алексей Никифорович понимал, что его власть распространяется только на дневное время суток; ночью в селах безраздельно хозяйничают бандеровцы.

Пошла вторая неделя его назначения на должность начальника контрразведки Смерш Станиславской области. Ситуацию следовало ломать в корне!

Устроившись за столом, полковник Михайлов еще раз перечитал донесения, понимая, что одним кавалерийским наскоком советскую власть на Западной Украине не установить. Нужна система, неумолимая, как каток, неустанная работа с местным населением, для чего требуется продолжительное время, а вот его как раз и не хватало.

Погибших людей жаль. Многие из них искренне хотели участвовать в установлении советской власти на Украине, но еще горше было осознавать, что в августе 1944 года он вернулся к тому, с чего начинал в далеком 1939-м. Придется вновь подбирать подходящих людей в

председатели колхозов, райсоветы. И совершенно не было уверенности в том, что их не постигнет судьба предшественников.

Вместе со следственной бригадой полковник Михайлов побывал на месте трех последних убийств. Были допрошены практически все жители сел, составлены десятки протоколов, но выявить что-то существенное так и не удалось. Будто бы сговорившись, селяне твердили одно: «Пришли какие-то люди из леса. Повесили председателя и сразу же ушли. Рассмотреть их лица не удалось».

И вот вчерашний случай...

Вырезали всю семью председателя райсовета Бошева: убили его самого, его жену и двоих малолетних сыновей-погодков. Прежде чем перерезать горло, бандиты изрядно поизмывались над своими жертвами. Кровь хлестала так, что ею были заляпаны все стены и потолок.

Жители наотрез отказывались говорить о случившемся, ссылаясь на ранний и крепкий деревенский сон. Но следователям было ясно, что убийство председателя райсовета и его семьи не что иное, как показательная казнь, чтобы запугать весь район. Украинским националистам удалось добиться своего в полной мере. Вот только надолго ли? Главные сражения впереди.

Военный прокурор в звании подполковника, прибывший в село во главе большой следственной группы, безуспешно пытался разговорить жителей. От него шарахались как от чумного. Едва ли не силой привели в сельсовет соседей убитого, где прокурор проводил допросы. В конце дня, совсем отчаявшись, он посмотрел на смурного полковника Михайлова и спросил:

– Так что будем делать, Алексей Никифорович? Ничего не говорят, а следов никаких.

Полковник Михайлов, выехавший на место с самыми серьезными намерениями – отыскать убийц в ближайшие часы и силами местных активистов укрепить советскую власть, – теперь понимал, что в ближайшие дни не сумеет сделать ни того, ни другого.

– Исполняйте, что положено, – буркнул невесело полковник.

Понимал, что обидел весьма неплохого человека, болевшего всей душой за порученное дело; смягчившись, продолжил не столь категорично:

– Не бывает так, чтобы свидетели отсутствовали. Кто-то вольно или невольно должен был увидеть произошедшее преступление. Так что ищите!

Военный прокурор лишь неопределенно покачал головой и распорядился:

– Давай следующего. Кто у нас там?

– Франко Ковальский, товарищ подполковник, – отозвался младший лейтенант. – Он вместе с убитыми жил.

– Давай его.

Полковник Михайлов решил остаться и послушать допрос; взяв стул, сел в самый угол комнаты.

Еще через минуту старшина привел в комнату парня лет девятнадцати, который буквально трясся от страха. В помещении было свежо, гулял сквозняк, и занавески, беременные ветром, надувались парусами.

– Как тебя зовут?

– Франко.

– Вот что, Франко. Ты ведь жил вместе с убитыми?

– Да.

– А кем ты им приходился?

– Для господаря, дядьки Петро, племянником.

– Вот даже как... Где ты был, когда убивали хозяина с семьей?

– На сеновале спав. Ничего не чуял.

– Значит, спал на сеновале и ничего не видел и не слышал? А ты знаешь о том, что перед смертью их резали на куски. И они должны были так вопить, что просто закладывало уши, – негромко, но жестко произнес подполковник.

- Не знаю, – энергично затряс головой парень.
- А трупы кто увидел, ты?
- Не я. Сусидка зайшла, вона и сказала.

Даже непродолжительной беседы было достаточно, чтобы понять – парень лжет! И при этом сильно напуган. Ни разу не удалось поймать даже его взгляда: зрачок бегал по орбите, как шальной. Его буквально всего колотило от страха. Крупные руки не могли успокоиться: он то клал их на колени, а то вдруг сцеплял в крепкий замок.

Откуда мог взяться этот трепет, если к убийству он не имеет никакого отношения?

- А может, ты их убил? – неожиданно спросил подполковник, в упор посмотрев на свидетеля. – Так сказать, отблагодарил за гостеприимство.
- Ни! – в ужасе выкрикнул допрашиваемый. – Як же я мог?! То вони мне родня.
- Тогда кто это сделал?

Неожиданно он закрыл лицо руками и громко зарыдал. Не стесняясь, принялся размазывать по лицу слезы. Полковник не прерывал. Терпеливо дожидался, пока горе будет выстрадано. После встряски говорить станет намного легче. Вместе со слезами из человека вдруг начинает вылезать глубоко запрятанная правда. Порой она идет таким бурным потоком, что ни прервать ее, ни остановить невозможно.

Парень вытер рукавом слезы, оставив на коже слабые полоски размазанной грязи. Уверенно, как если бы принимал брошенный вызов, посмотрел прямо в глаза военному прокурору и твердым голосом, совершенно не похожим на тот, что был какую-то минуту назад, ответил:

- Я не знаю.
- Ах, вот оно как, – не сумел сдержать разочарование подполковник. – А может, это был Филин. Ты знаешь Филина?
- Я не знаю ниякого Филина, – в страхе закачал он головой.
- Арестовать его!

Два красноармейца, стоявшие у двери, слаженно сдернули Ковальского со стула и выволокли из избы.

- И что вы на это скажете? – спросил военный прокурор.
- Они скорее умрут, чем заговорят. А паренек этот вряд ли виноват. Но он определенно что-то знает.

В этот вечер следователями государственной безопасности и прокуратуры было допрошено три десятка свидетелей – ближайших соседей убитого председателя райсовета, – но ни один из них не пожелал разговаривать. Они краснели, бледнели, обливались потом, заикались, даже забывали слова, но упорствовали.

Не намеревался сдаваться и полковник Михайлов – распорядился задержать всех допрашиваемых как подозреваемых. Здесь нашла косо на камень. У кого крепче окажутся нервы. Поместили всех задержанных порознь, так чтобы им невозможно было сговориться. Для пущей убедительности во дворе школы, куда поместили упирающихся, разыграли спектакль: имитировали расстрел заключенных, видеть который они не могли, но зато прекрасно слышали все сопровождающие команды и слаженный громкий залп карабинов. А далее хладнокровное распоряжение:

- Загружай трупы в грузовик. По-быстрому!
- Есть, товарищ старший лейтенант... Поднимай его... Покрепче держи, чтобы не свалился. Тяжелый-то какой!

Раздавался глухой и мягкий стук упавшего тела о дощатый пол грузовика, а затем звучало удовлетворенное:

- Все правильно, здесь посвободнее, для других должно место остаться... Давай следующего тащи...

– Рядышком лежат, как на параде. Молодец, сержант. Кто тебя учил так ловко трупы складывать?

– Никто, товарищ старший лейтенант, просто я думаю, что в любом деле порядок должен быть, – отзывался бодрый тенорок.

Несмотря на негромкие голоса, какими говорили военнослужащие, акустика во дворе школы была почти театральной: доносила до камер каждое оброненное слово. Глядя на зарешеченные под самым потолком окна, Михайлов видел, как из них тонкими осязаемыми струйками к серому небу поднимается животный страх.

Оставался последний акт в незатейливой самодеятельной постановке, чтобы в должной мере произвести впечатление на тюремных слушателей, и старший лейтенант не подвел, басовито и громко посетовал:

– Сержант Анищенко, отведи расстрелянных в овраг у хутора Ветошки.

– Товарищ лейтенант, но там уже есть свежее захоронение.

– Ничего, как-нибудь спрессуются... А потом, лежать вместе как-то повеселее.

Громко хлопнули затворяемые борта грузовика. В тюремном дворе неровной волной поднялась кирпичная темно-красная пыль. Двигатель машины энергично затарахтел, кузов нервно затрясся и, гремя по асфальту тяжелой цепью, «Студебекер» выкатился на простор. Зловеще бухнули ворота, затворяясь, поставив в заключительном акте жирную точку. Теперь оставалось набраться терпения.

Ждать результата пришлось недолго. Через пятнадцать минут подошел дежурный офицер и доложил:

– Товарищ полковник, на допрос просятся пять человек.

– Сразу пять? Хм, неожиданно. Среди них есть Франко Ковальский?

– Есть. Он первый постучался.

– А кто еще четверо?

– Крестьяне из четвертой камеры.

Приперло! Осталось только выбрать, кого именно первым вызвать на допрос.

Прежде чем крестьян поместить в камеры, с каждым из них полковник Михайлов провел обстоятельную беседу. Выглядели они весьма простовато – обыкновенные жители сельской глубинки. Но в действительности за простотой крестьян скрывалась природная хитрость, столь свойственная людям от земли, помноженная на житейское лукавство.

Изворотливые, умудренные жизненным опытом, они успешно приспосабливались к любому режиму, столь часто менявшемуся на Украине, научились подстраиваться под него. Для крестьянина всегда важно выжить в этом политическом вертепе. Слиться с окружающей средой, мимикрировать, сделаться незаметным, а уж если власти вдруг попржижали и отсутствует всякая возможность ускользнуть, так следует действовать незатейливо: беззастенчиво врать, изворачиваться склизким ужом, без конца клясться, но не забывать о самой главной своей задаче – уцелеть любой ценой!

За крестьянами тысячелетний опыт выживания, это тот народ, с которым не пройдут никакие психологические изыски. Поступают они не логикой навязанных им событий, а простыми естественными инстинктами, свойственными человеку, связанному с природой. И если пожелаешь опуститься до их приземленного природного уровня, то они переиграют тебя в два счета, легко обведут вокруг пальца, оставят с носом. Так что допрос следует проводить безо всяких головоломок, говорить в лоб!

Дежурный стоял у входа и терпеливо дожидался ответа начальника управления.

– Кажется, самый старший из них Петренко? – спросил полковник Михайлов, вспомнив кряжистого пятидесятилетнего крестьянина с длинными, отвислыми едва ли не до самых плеч усами.

– Он самый, товарищ полковник.

– Приведите его, – потребовал Михайлов.

Борис Петренко был наиболее зажиточным крестьянином и пользовался в округе значительным уважением.

– Есть, – ответил дежурный и вышел из кабинета.

Через несколько минут в сопровождении двух рядовых ГБ в кабинет доставили крепкого степенного седоватого мужичка. Выглядел вошедший спокойно, если не сказать что невозмутимо. Напускным равнодушием подчеркивал, что ни вооруженное сопровождение, ни толстые стены камеры к нему не имеют никакого отношения. Он труженик и пахарь и, несмотря на произошедшее недоразумение, со всем пиететом относится к представителям советской власти.

Добродушно, как сделал бы на его месте всякий законопослушный гражданин, широко и обезоруживающе улыбнулся. Вот только он был не так прост, как хотел выглядеть; под ладной, располагающей к себе личиной скрывалась бронированная плита, расшибить которую будет непросто.

– Садитесь, – показал полковник на стул, стоявший с противоположной стороны стола. – Вы что-то хотели мне сообщить?

– Кое-что удалось вспомнить, – неопределенно произнес крестьянин, присаживаясь на стул, вдруг сделавшись невероятно серьезным.

– Прозрение, значит, пришло?

– Пришло, – легко согласился Петренко.

– Рассказывайте, – потребовал Михайлов. – Только покороче, я сейчас очень занят.

– Бачив я их, – энергично закачал головой подозреваемый.

– Кого бачив?

– Ну кто того... голову нашего убив.

– Сколько их было? – отложил ручку в сторону Михайлов.

Старался не раздражаться, видел, что Петренко примеряет на себя очередную маску. Вот только все это уже известно. Проходили.

– Трое, – уверенно произнес Петренко.

– Три человека убили всю семью? – с сомнением покачал головой Алексей Никифорович. – Вся хата была истоптана, следов там много было! Думаю, не менее пяти человек.

– Точно, пять! – хлопнул себя ладонью по лбу Борис Петренко. – Як же я забуду-то. Двое ще на углу стояли. Потом в дом увийшли.

Более честное лицо трудно было представить. Именно такие канонические лики с христианским смирением в глазах предпочитают писать богомазы.

Полковник Михайлов едва сдержался, чтобы не усмехнуться. Все ложь! В действительности в дом вошли восемь человек, что без особого труда установили эксперты. У пятерых были немецкие сапоги – две пары офицерских и три пары солдатских, остальные были обуты в кирзовые сапоги, какие носят красноармейцы.

Явно хочет ложью выторговать себе свободу. Не получится, братец, придется крепко постараться, чтобы выбраться из подвала.

– Сержант, позови мне дежурного офицера, – сказал полковник Михайлов.

– Есть! – метнулся за дверь сержант.

Минуты через две вошел дежурный капитан с красной повязкой на руке.

– Капитан, списки на расстрел оформили? – с серьезным видом поинтересовался Михайлов.

– Так точно, товарищ полковник. Расстрельная команда уже ждет, – энергично поддержал игру полковника капитан.

– Сколько у тебя в списке на расстрел?

– Девять.

– Запиши десятого... Петренко Борис Гаврилович, – строго глянул Михайлов на побледневшего крестьянина. – Я не ошибся, правильно отчество назвал?

– Гаврилович, – подавленно согласился Петренко.

– Давай забирай этого Гавриловича и марш на выход к расстрельной команде! Не ночью же трупы вывозить. Нужно ведь еще и закопать. Мы же не вурдалаки какие-нибудь!

– Подождите! – выкрикнул не своим голосом Петренко. – Я все скажу!

На мертвенно-бледном лбу хуторянина выступили крупные капли пота. Теперь было видно, что он не столь свеж, как могло показаться поначалу. Подступала стремительно старость, оставляя на его пористом лице многочисленные родинки; мелкие морщины собрались в складки и отвисали книзу. И эта близкая старость на его побледневшем лице проступила так резко, как, бывает, вырисовывается шершавая пузырчатая плесень на белоснежной бересте уже погибающего дерева. Вдруг стало отчетливо понятно, что ему не так много и осталось.

Не без труда крестьянин сглотнул крупный ком, перехвативший дыхание. Петренко продолжал холодным, поблекшим голосом:

– Спрашивайте.

От прежней деловитости и подчеркнутой независимости ничего не осталось. На лице осязаемый страх.

– Кто убил председателя и его семью?

– Это боевка.

– Что за боевка?

– Группа исполнителей по наказу коменданта. У боевки их чоловик пятнадцать, може, бути, даже двадцать. Ось вони всих и поришили.

– Как найти этого коменданта?

– Не знаю. Цього никто не знае.

– А где именно живут члены боевки?

– А хто ж их знае, – сдавленно отвечал Петренко. Понемногу с его лица стала сходить бледность. Голос тоже заметно покрепчал, добавилась басовитость. Разглядев на лице Михайлова недоверие, заговорил неспешно, стараясь придать своему голосу большую убедительность.

– У них строгая конспирация. Их никто не знае. Вин може бути твоим суседом, але в реальности член боевки. На лбу ж у нього ничего не написано. Може, хто з нашего села вбив, а може, и не з нашего. Як тут дизнатися?

Похоже, что Петренко не врал. Прежний запал, с каким он вошел в кабинет, поугас, как если бы внутри его отключили какую-то лампочку. Оставалось только тлеющее тепло, но и оно в скором времени улетучится.

– Как устроена эта организация? Кто ими руководит? Кто отдает приказы?

– Точно не знаю, можу тильки сказати, що люди гутарят, а вони напрасно не скажуть... У повстанської армії всюду свої агенти, в кожному селі. Нихто просто так языком не чеше где-нибудь на лавке, сказав що-небудь за большевиков, и до тебе зразу этой же ночи бойовики прийдуть. Порижуть, як того голову, вместе з симьею, и нихто не дознається, хто це зробив.

– Кому именно они передают информацию?

– А кому треба, тому и передають, – неожиданно огрызнулся Петренко. – Станичному следователю! Считай, що вин главный у всій станиці. Хто такий станичний следователь, нихто не знае. Для виду он може и конюхом значиться, з дырявими портами ходити. А в дійсності у нього власть така, що и подумати страшно. Ляпнув хтось лишку не подумавши, ну його и в расход! Долго розбиратися не стануть.

– У него есть помощники?

– Есть. Люди говорят, что они еще те злыдни, не приведи господь!

– Кто главный в области?

– Краевой старшина. Без нього ничего не решают. У него боевиков тысячи! Отряд его называется «Черный лес»!

– Откуда тебе это известно?

– Племянник мой в повстанській армії, – честно признался Петренко. – В Берлине учился, потом его сюда отправили. Комендантом боевки был. Убили его под Бродами, – выдохнул он тяжело. – Чого йому не сидилося... Хоча спробуй тут посидь, один кінець! Коли не в Червону армію заберуть, так обов'язательно в повстанську. И спробуйте тут сказати против. Виведуть з хати и застрелять!

– Тебе известно, кто такой Филин?

В лице Петренко что-то незримо переменялось. Вроде бы и бровью не повел, взгляда не отвел, смотрел, как и прежде, упрямо, показывая свой непростой характер, и вместе с тем что-то в нем было не так. Всмотревшись, следователь понял, что у допрашиваемого поменялся первоначальный цвет глаз. Из светло-серого он стал бледно-зеленым. Может, все дело в изменившемся в комнате освещении?

– Не слышал, – довольно уверенно произнес Петренко.

– А может, он и есть краевой старшина «Черного леса»?

– А кто его знает, я же не в повстанческой армии.

Тоже верно, другого ответа от него ждать не приходится.

– Больше я ничего не знаю, чем угодно могу поклястися.

Вытащив из стола лист бумаги, полковник Михайлов положил его перед Петренко; подвинул ему чернильницу с ручкой и сказал:

– Интересные вещи ты нам рассказал, Гаврилович.

Алексей Никифорович говорил медленно, от чего каждое слово становилось осязаемым, наливалось смысловой тяжестью.

– Вижу, что человек ты полезный, можешь и дальше нам в чем-то понадобится. А теперь пиши, что будешь докладывать нам обо всем, что увидишь и услышишь.

– Это как? – вытаращил удивленные глаза Петренко.

– Лучше письменно, разумеется, – усмехнулся полковник Михайлов. – А там, глядишь, тебя еще и наградят, медаль дадут, а то и орден, если верой и правдой своему народу станешь служить.

– И как же мне писать?

– В произвольной форме. Не переживай, к стилистике придираяться не станем. Мы же прекрасно понимаем, что ты не украинский писатель Шевченко, – с самым серьезным видом высказался Михайлов, продолжая буравить допрашиваемого немигающим взглядом. – Можешь начать так... Начальнику Управления контрразведки Смерш Станиславской области полковнику Михайлову А.Н... Ниже в самой середине – «Заявление»... Бери ручку и пиши, второй раз повторять не стану, – строго предупредил полковник. – Или ты хочешь присоединиться к тем, кто во дворе лежит? – спросил он с усмешкой.

Петренко неохотно взял ручку, макнул ее в чернильницу и принялся писать.

– Вот так-то оно будет лучше, – одобрительно произнес Михайлов. – А почерк у тебя красивый, вот послужишь нам немного агентом, а там я тебя к себе писарем возьму... Ладно, ладно, пошутил я, чего ты набычился? Ты на своем месте хорош... Написал? Теперь дальше... Я, Петренко Борис Гаврилович, получил от полковника Михайлова предложение о сотрудничестве с контрразведкой Смерш Станиславской области. Предложение принял. Поставь число и распишись.

Петренко аккуратным ровным почерком вывел свою фамилию.

– Вот теперь порядок, – вытянул листок полковник Михайлов. – Где ты живешь, мы знаем. Раз в неделю к тебе на хутор будет приходить человек, – порывшись в кармане, он вытащил полтинник и положил его на стол, – покажет вот такую монету и скажет: «Привет от дяди».

Это будет мой человек. Расскажешь ему все, что знаешь. Твоя задача сблизиться с членами ОУН и УПА и узнать, где находится штаб «Черного леса» и кто именно его возглавляет.

– Це як же я таке зможу? – невольно воспротивился Петренко. – Так мени за таку любов-путство язык отрежут.

– А ты подумай и сделай так, чтобы не отрезали. Человек ты не глупый. Сметливый. Уверен, что у тебя все получится. – Взяв со стола извещение, Михайлов размашисто расписался на нем и протянул его Петренко. – Передашь дежурному на выходе. Он тебя пропустит.

Взяв разрешение, Петренко поднялся и, шаркая подошвами, зашагал к выходу. Оставшись в одиночестве, полковник Михайлов вытащил из стола белую папку и положил в нее заявление. Крепко связав ее белой тесьмой, написал на белоснежной поверхности синим остро заточенным карандашом: «Дело № 23. Агент Сыч». Поднявшись из-за стола, подошел к громоздкому темно-коричневому щербатому сейфу, выпиравшему из дальнего угла комнаты острым ребром, открыл дверцу, повернув дважды массивный ключ, и положил тоненькую папку на стопку документов.

Сегодняшний день не столь скверный, как можно было бы подумать. Первый завербованный агент в должности начальника управления. С продвижением в глубину немецкой территории агентура будет расширяться.

Осталось последнее...

Глава 4

Встреча с агентом

Полковник Михайлов закрыл дверь на ключ, затем открыл шкаф и вытащил из него гражданскую одежду. Не новая, что, собственно, и требовалось для такого случая, но и старой ее тоже не назовешь. Поношенная, но ровно до такой степени, какая встречается у подавляющего большинства местного населения.

Широкие брюки в бледно-серую полоску; отменно надраенные сапоги; светлая застиранная рубашка; пиджачок, изрядно потертый на локтях; фуражка-восьмиклинка с блестящим козырьком.

Приодевшись, подошел к зеркалу, висевшему на стене у самого входа, внимательно всмотрелся в свое изображение. Ничего такого, что могло бы указать на сотрудника государственной безопасности. Сейчас так выглядят многие мужчины. Едва выйдешь на улицу, так тотчас растворишься в толпе, станешь ее мизерной частью. Именно этого он и добивался. Фигура удачно приобрела некоторую мешковатость, какая бывает у людей, весьма далеких от военной службы.

Увиденным остался доволен: «Вполне подходит».

Алексей Никифорович сунул за пояс «вальтер» и, убедившись, что оружие не топорщится под пиджаком, открыл дверь кабинета и уверенно вошел в приемную, где за своим столом сидел секретарь – старший лейтенант Кочетков. Посмотрев на полковника Михайлова, представшего в гражданской одежде – обыкновенный мужичок из толпы, с размазанной индивидуальностью, без особых примет, – нашел в себе силы казаться серьезным, как если бы успел свыкнуться с маскарадами начальника управления.

– Может, вам чаю, товарищ полковник?

Михайлов приостановился у стола, цепанув простецким взглядом невероятно серьезное лицо старшего лейтенанта, и произнес столь же всерьез:

– Не стоит беспокоиться, старлей. За углом рюмочная открылась, спущусь, пропущу граммов сто пятьдесят и опять к себе поднимусь.

– Чего вам беспокоиться, я бы вам сам принес. Вы только скажите!

Похоже, что парень не шутил.

Неожиданно полковник Михайлов сделался строгим, через слегка помятую старомодную одежду пробивался прежний начальник управления: клыкастый, ничего не забывающий и требовательный. У такого лучше на пути не стоять – порвет!

– За мной не ходить, разберусь со своими делами сам.

– Но... товарищ полковник, – поднялся секретарь, – ведь не положено. Есть приказ не ходить по одному. Это бандеровский край, а уж вам-то тем более...

– Не суетись, Игорь, я знаю, что делаю. Меня пока здесь никто не знает, а потом, из города я не выхожу.

Положив на стол листок бумаги, сказал:

– Если через два часа не вернусь, вышлите по этому адресу отделение автоматчиков.

Полковник Михайлов вышел из здания, прошел по длинной улице, замощенной светлым гранитным булыжником. По обе стороны стояли особняки с пробоинами в стенах. А некоторые строения, не выдержав выстрела в упор, обрушились, и колючая угловатая осыпь длинными красно-белыми языками сползла на мостовую, затрудняя движение потоку транспорта.

Тяжелые «Студебекеры» широкой крепкой резиной немилосердно вдавливали битый кирпич в булыжник мостовой до бурого порошка и, деловито урча, на низких оборотах двигались дальше. Водители легковых автомобилей, чертыхаясь и матерясь, царапая кузова о гну-

тое железо, торчавшее из бесформенного хлама, не задерживая уличное движение, двигались дальше.

Подле некоторых домов шла усиленная работа: солдаты вместе с гражданскими растаскивали завалы, сортировали кирпичи. Другая группа, видно, мастеровые, заделывали обожженным кирпичом проемы в стенах. Получалось не в цвет, так – лишенная всякого вкуса заплатка. Некий военный модернизм бесталанного художника. Но на состряпанную неказистость внимания не обращали, имелись дела и поважнее.

Жизнь кипела. Народ прибывал в город. С каждым часом гражданского населения становилось все больше. У каждого в руках поклажа. Везли за собой на тележках нехитрый скарб; несли узлы в руках; тащили на плечах котомки, сгорбившись под их тяжестью. Каждый рассчитывал поселиться в брошенных домах и квартирах, пусть с пробоинами в стенах, но зато в своих. Так оно как-то понадежнее.

На полковника Михайлова, облаченного в гражданскую одежду, внимания не обращали. Он был один из сотен людей, что покинули город перед началом боевых действий и теперь вернулись с их окончанием.

Алексей Никифорович прошел мимо ратуши через Рыночную площадь, одновременно узнавая город и поражаясь разрушениям, произошедшим во время его штурма и дальнейших уличных боев. Станислав он любил. Здесь с сентября тридцать девятого по июль сорок первого, до того самого времени, пока Красная армия под натиском немцев вынуждена была оставить город, он поочередно возглавлял управления НКВД и НКГБ. И до настоящего времени считал эти назначения одними из важнейших в своей карьере. Всегда надеялся побывать в этих местах после войны, вот только не предполагал, что случится это гораздо раньше, чем он планировал, – в должности начальника управления, какая была у него перед самой войной. Вот только на этот раз он возглавлял контрразведку Смерш, да и ситуация сейчас складывалась несколько иначе...

У города Станислава была собственная необычная история, значительно отличавшая его от других пограничных населенных пунктов. До тридцать девятого года он никогда не входил в состав России, что было заметно по архитектуре; да и с жителями было не все так просто. Проживавшие на небольшой узкой полоске между западноевропейской и восточноевропейской цивилизациями, они в своем большинстве имели полное неприятие всего русского: и языка, и православной веры Московского патриархата.

Крепость Станислав, основанная польским кастеляном³, являлась форпостом от набега запорожских казаков и крымских татар. Вскоре она разрослась до города и вошла в состав Австрийской империи. А когда в восемнадцатом году произошел распад Австро-Венгрии, то на этой территории целый год существовала Западно-Украинская народная Республика, пока туда не вошли польские войска.

В цепочке областей, граничащих с западными странами, именно эти территории считались руководством наиболее уязвимыми для Советского Союза, в чем полковник Михайлов убедился в первые же недели после своего назначения на должность начальника НКВД.

Все началось с того, что органами на самой границе был пойман курьер, отправленный из штаба украинских националистов, размещавшихся на тот момент в Кракове. При курьере оказалось послание, в котором от низовых подразделений требовалось провести немедленную мобилизацию среди украинских националистов, вооружить их, разбить на боевые группы и назначить командиров.

После того как курьер был допрошен и выявлены имена и места проживания руководителей ОУН⁴ на территории Украины, тотчас были проведены массовые аресты, как рядовых чле-

³ Должность управляющего замком и прилегающих к нему территорий.

⁴ Организация украинских националистов, действовавшая в основном на территории Галиции и Вольни (период наивыс-

нов организации, так и ее руководителей. Именно тогда возникло решение провести секретную операцию по внедрению советской агентуры в краковский центр ОУН. Провели ее успешно, и в этом центре заработали сразу трое глубоко законспирированных сотрудников государственной безопасности. Благодаря их информации военной контрразведке стало известно, что Остап Бандера планирует на территории Западной Украины восстания против советской власти и по многим каналам происходит снабжение отрядов ОУН подготовленными кадрами, стрелковым оружием, а также целевыми пособиями по сопротивлению советской власти. В это же время на оккупированной территории Польши создавались отряды, которые должны были пересечь границу Советского Союза одновременно с восстанием украинских националистов.

Прошла вторая волна арестов, но добраться удалось не до всех – значительная часть бандитов попряталась на хуторах и в лесах.

Полковник Михайлов не ошибался, когда предполагал, что натиск со стороны украинских националистов будет усиливаться. Так оно и произошло... В начале сорокового года ОУН с помощью абвера забросила на Западную Украину, в том числе в Станиславскую область, хорошо подготовленные отряды с целью проведения акций саботажа и общего гражданского неповиновения.

Большая часть заброшенных диверсантов, оказавших сильнейшее сопротивление отрядам НКВД, была уничтожена во время боестолкновения. Меньшая – захвачена и осуждена.

В штабе УПА осознали утечку информации, и два агента были вскоре раскрыты. Остался один, под псевдонимом Гроссмейстер. Именно благодаря Гроссмейстеру удалось узнать, что украинские националисты не меняли своих планов по организации восстания среди местного населения на Западной Украине, а лишь только немного передвинули сроки.

Осенью сорокового года националистами была захвачена на военных складах большая партия вооружения, включая крупнокалиберные пулеметы и автоматы. Уже перед самой войной, опираясь на данные агента Гроссмейстера, контрразведчикам удалось около десяти ударных спецопераций, которые сорвали замысел оуновцев о проведении на территории Станиславской области восстания. В ходе боестолкновения с отрядами оуновцев удалось ликвидировать значительную часть главарей и уничтожить наиболее непримиримые подразделения. Для полковника Михайлова стало настоящим потрясением, когда у командиров отрядов ОУН были обнаружены адреса партийных, государственных руководителей, начальников подразделений НКВД, включая полный состав их семей. Сам он значился под четвертым номером...

Оуновцам было известно о дислокации военных частей, о количественном составе подразделений; они также имели сведения о расположении военных объектов и еще много о чем запретном, что полагалось знать лишь ограниченному кругу руководителей, имеющих допуск к информации особой важности. Без предательства здесь не обошлось. Причем высокого уровня, значительно превосходившего возможности начальника управления. Трудно даже представить, сколько пришло бы горя, если бы националистам удалось их преступные замыслы.

Об агенте Гроссмейстере, глубоко осевшем в самом центре ОУН, полковник Михайлов никому не рассказывал и не заводил на его деятельность никаких служебных бумаг. Возможно, именно поэтому тот уцелел и сумел едва ли не вплотную приблизиться к первым лицам украинского нацистского подполья...

Все прошедшие годы Алексей Никифорович поддерживал с Гроссмейстером связь. А однажды им даже удалось встретиться в Киеве. Сейчас эта была вторая встреча за годы войны.

Город, несмотря на значительные разрушения, был узнаваем. Михайлов помнил в нем едва ли не каждый булыжник на мостовой. Шел по широким улицам, сворачивал в проулки, проходил через проходные дворы, перебирался через завалы. Порой приостанавливался, проверяя, не топает ли кто следом. Убедившись, что хвоста нет, торопился дальше. Немалый опыт

оперативной работы позволял подмечать малейшие детали, запоминать встречаемых людей. Не было ничего такого, что могло бы насторожить.

Вскоре Алексей Никифорович вышел к старинному польскому кладбищу с помпезными двухсотлетними склепами. Зеленое, заросшее каштанами и кленами, очень ухоженное, оно выглядело умиротворенным островком посреди моря различных звуков. Справа от него, немилосердно царапая гранитную брусчатку, прогрохотала танковая рота; слева – «Студебекер» на пониженных передачах протащил дивизионную пушку. Разлапистые тонкоствольные ели, выстроившись по периметру кладбища, соприкасались широкими колючими шинелями, стояли в карауле, как-то особенно, торжественно, не шелохнувшись оберегая безмятежный покой усопших.

На кладбище оказалось пустынно. У живых было слишком много дел. Широкие аллеи напоминали улицы, а высокие старинные склепы выглядели домами. Немного в сторонке от главной аллеи – между двумя каменными крестами, поблекшими и потемневшими от времени, под которыми покоились два офицера императорской лейб-гвардии, – возвышалось три небольших свежих холмика из темно-желтого песка.

Осмотревшись, полковник Михайлов присел на деревянную зеленую скамейку. Вот ведь как оно бывает – от государств, что возникали на этой земле и погибали, мало что осталось, а старинное кладбище будто бы существовало вне времени и не зависело от происходящих за его оградой событий. На надгробиях было немало старинных фамилий, составлявших некогда гордость отечества. Среди почивших были и те, что, будучи в жизни непримиримыми врагами, в смерти лежали рядышком, как старинные добрые приятели, умиротворенные темным тяжелым и скорбным гранитом.

На другой стороне аллеи, у серого надгробия, в длинном траурном платье пожилая женщина подметала опавшие листья. Власти приходят и уходят, а мертвые остаются – и неизменно требуют к себе внимания.

Горе женщины было давнишним, как выщербленная непогодой мраморная плита. И слезы, и чувства иссохли, как случается с источником, не пережившим природной драмы. Остался лишь долг перед почившим, и женщина исполняла его в полной мере.

Еще через пять минут на скамейку рядом с полковником Михайловым опустился мужчина средних лет в темно-сером костюме. В руке он держал специальную черную корзину, обрамленную траурной лентой, из которой, склонив тяжелые багровые головы, выглядывали сочные бутоны роз.

Поставив корзину на скамейку между собой и полковником, мужчина произнес невероятно низким голосом:

– Все здесь.

Глянув на подошедшего агента, Алексей Никифорович произнес:

– Не спрашиваю, как у тебя дела, Гроссмейстер, знаю, что трудно... Но выглядишь ты хорошо. Крепок, подтянут. Мне даже кажется, что ты стал выглядеть еще моложе.

– Ты видел когда-нибудь толстого гроссмейстера? – неожиданно спросил агент.

– Что-то не доводилось, – честно признался полковник Михайлов, не понимая, в какую сторону клонит Гроссмейстер.

Впрочем, это была его обычная манера – разговаривать загадками. Порой беседа с ним напоминала разгадывание замысловатого ребуса.

Гроссмейстер был человеком неординарным. Любил риск. Обладал нестандартным мышлением: возможно, именно поэтому он до сих пор оставался жив.

– И не увидишь... Потому что они не толстеют. Каждая проведенная шахматная партия требует от гроссмейстера массу нервов. Ведь нужно обязательно победить. А трата нервов всегда способствует похудению.

Сделав небольшую паузу, продолжил:

– С моей службой я вряд ли наберу излишний вес.

– Становится опасно, может, тебе стоит вернуться? – предложил Михайлов.

– Сейчас не самое подходящее время для возвращения. Я на хорошем счету у руководства. Мне доверяют, а потом вряд ли эту работу сделает кто-то лучше, чем я. Ему придется начинать все сначала, а это вряд ли возможно в нынешних условиях... А теперь по делу... Есть решение штаба УПА нападать на малые гарнизоны. В настоящее время украинская армия испытывает нехватку хорошего стрелкового оружия, тяжело у нее и с продовольствием. Нужно предупредить Центр о готовящихся акциях. Они будут проведены в ближайшие дни.

Такая же информация была получена и из других источников. К ней в Главке отнеслись очень серьезно.

– Именно в Станиславской области?

– Да. Тому есть несколько причин... Командование УПА считает Станиславскую область наиболее слабым участком в советском тылу: население области крайне негативно настроено к Советской армии и к власти в целом. Националистам помогает оставаться невидимыми сложная гористая местность. А еще в области наблюдается значительная концентрация повстанческих сил. Кроме того, именно этот район наиболее удобен для контакта с немцами. Абвер высылает в Станиславскую область своих агентов, возможно, что эта активизация как-то связана с предполагаемыми планами немецкого командования на свое наступление. По данным немецкого аналитического центра, ситуация в Станиславской области будет ухудшаться с каждым месяцем. Нужно принимать серьезные меры.

Полковник Михайлов нахмурился. Он думал примерно так же.

– И что ты предлагаешь? – невесело обронил Алексей Никифорович.

– Следует усилить область по крайней мере еще одной дивизией. Но делать это нужно как можно скорее.

– Хорошо... Сообщи командованию. Что ты можешь сказать о Филине?

– Он на хорошем счету, доверенное лицо самого Бандеры. Встретиться с ним мне не приходилось. Даже не знаю, как он выглядит. Известно, что он очень подготовленный агент. Его обычно отправляют на самые важные участки. Сейчас Станиславская область и есть такой район. Посмотришь в сообщении, кое-что я о нем написал.

– Что еще можешь сказать?

– Через два дня в Станислав должен прибыть немецкий агент под псевдонимом Шуляк. Его полномочия подтверждаются немецким командованием на самом высоком уровне. Он должен будет встретиться с Филином.

– Какие вопросы должны обсудить?

– Мне это неизвестно. Эту операцию контролирует лично Бандера. В число посвященных входят еще два-три человека. Но дело очень серьезное.

– Как мне найти хотя бы одного из этих самых посвященных? Ты кого-нибудь из них знаешь?

– Знаю одного... Он живет на Львовской улице двадцать четыре, квартира шесть... Мне надо идти. Сначала ухожу я, а потом поднимаешься ты.

Не прощаясь, Гроссмейстер поднялся и, взяв траурную корзину с розами, зашагал дальше по аллее. Старушка, исполнив свой долг перед умершим, с кладбища ушла. На темно-серой гранитной плите остались лишь только свежие белые хризантемы.

Протопав еще метров триста, Гроссмейстер вдруг подошел к скромной могилке без ограды, подле которой стоял большой черный мраморный крест, и бережно поставил рядом корзину с цветами; закрыл глаза, превратившись на какое-то время в изваяние. Потом столь же неожиданно ожил и поплелся отяжелевшими ногами дальше по аллее.

Алексей Никифорович терпеливо дождался, когда Гроссмейстер выйдет за территорию кладбища, и зашагал в том же направлении. На минуту приостановился у могилы, подле кото-

рой стояла траурная корзина с розами, и прочитал высеченную надпись на темно-сером камне: «Протасовская Анна Сергеевна. 10.08.1918—10.08.1935». Ее не стало именно в этот самый день, 10 августа. И сегодня же ей исполнилось бы двадцать шесть лет. Вот как оно бывает... Кто она ему? Сестра? А может, невеста?

Выходит, что сегодняшняя встреча на кладбище не просто какой-то конспиративный изыск помешанного на безопасности агента, а запланированное мероприятие.

Полковник Михайлов подумал о том, что очень мало знает о своем самом ценном агенте. А ведь кроме скурых служебных данных с биографическими вехами, без каких не может мыслиться ни одно служебное дело, у Гроссмейстера имеется какая-то своя личная жизнь, в которую доступ ему был закрыт. Но ясно одно – в любых действиях Гроссмейстера всегда имеется какой-то тайный смысл. Он ничего не делает просто так.

Глава 5

Операция «Черный лес»

Вернувшись в управление, полковник Михайлов обнаружил, что его кабинет стараниями секретаря сильно изменился. Вместо тяжелых старомодных имперских кресел с толстыми ножками теперь вдоль стен стояло шесть удобных венских стульев с пестрой атласной обивкой. Несмотря на кажущуюся хрупкость, стулья были весьма крепкие и исполнены мастеровито.

Его прежний маленький стол, удобный разве что для гимназиста третьего класса, заменили на дубовый, с широкой толстой темной столешницей, к которому буквой «Т» был придвинут другой (весьма удобно для предстоящих совещаний), такой же крепкий и широкий, за которым вполне свободно могло бы разместиться с десяток мужчин.

Для него самого приготовили большое кожаное кресло с широкими подлокотниками и высокой мягкой спинкой. По левую сторону от кресла на столе расположилась старинная медная лампа с широким зеленым абажуром, по краям которого аккуратным рядом свешивалась длинная бахрома. На стол прилежно и в том же порядке были перенесены все его бумаги.

Полковник Михайлов устроился в кресле. Потрогал пальцами гладкую полированную столешницу. Подумал с удовольствием, что работать за таким столом будет удобно.

Расшифровав полученное от Гроссмейстера сообщение, полковник дважды его внимательно перечитал. Затем достал из кармана ключ от сейфа, который всегда носил при себе, и открыл громоздкий несгораемый шкаф. Уложив в специальную папку донесение, запер толстую дверцу.

В ящике под замком в небольшой синей папочке лежали листы «Спецсообщений» со штампом управления, предназначенные для отправки в Главное управление контрразведки Смерш Наркомата обороны. Достав чистый листок, Михайлов вложил его в каретку печатной машинки. Некоторое время он просто смотрел на надпись «Совершенно секретно», отпечатанную в правом углу бланка, прекрасно осознавая, что каждое написанное слово будет не однажды прочитано и очень тщательно проанализировано. Все должно быть написано предельно ясно и четко. Следовало избегать всяких разночтений или недосказанностей. Наверху этого не любят.

На основании докладной будут проводиться какие-то далеко идущие действия. Возможно, что записка попадет на рассмотрение комиссии. Будет перепачкана множеством подписей и резолюций, важных и не очень, покроется многими печатями и уже изрядно помятая и потерявшая на сгибах успокоится в сейфе для особо важных документов.

Спецсообщения полковник Михайлов писал всегда лично, не допуская к секретным сведениям ни своих заместителей, ни секретаря, который, обладая некоторым литературным вкусом, мог бы оформить бумагу надлежащим образом. Скорее всего, секретарь написал бы даже лучше, чем он сам. Но это означало бы, что круг посвященных в государственную тайну расширится еще на одного человека, что в нынешней ситуации совершенно недопустимо.

Возможно, что какие-то лингвисты и филологи из Главного управления контрразведки Смерш и похихикают над его синтаксическими и орфографическими ошибками, но ни один из них не посмеет укорить его за суть изложенного.

Под словом «СПЕЦСООБЩЕНИЕ», расположенным в самой верхней части листа, отпечатанным типографской краской, Алексей Никифорович уверенно написал с заглавной буквы:

*Заместителю начальника Главного управления
контрразведки Смерш Наркомата обороны
тов. Селивановскому Н. Н. от начальника управления
контрразведки Смерш Станиславской области*

полковника Михайлова А. Н.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Еще одна небольшая пауза, столь нужная для всякого решительного действия: будто прыжок с кручи в темный омут – как-никак в Главное управление пишешь. Подумав над содержанием, продолжил:

«Первое: По нашим оперативным данным, в Станиславицине действует крупное бандитское соединение бандеровцев под названием «Черный лес» в количестве около 20 000 человек. По своему составу личный состав банды крайне неоднороден, как по возрасту, так и по национальности, но значительное большинство составляют украинцы. Придерживаются различных политических взглядов, но всех их объединяет ненависть к Советскому строю и русскому населению. В составе банды немало бывших полицейских вспомогательных батальонов, выполнявших на территории Украины и Белоруссии карательные функции; бывшие военнопленные, а также остатки разбитой ваффен-гренадерской дивизии СС «Галичина».

Бандитским соединением руководит бандеровец по кличке Филин. Подлинное имя в настоящее время не установлено. Известно, что он является активным членом ОУН. В 30-х годах неоднократно арестовывался полицией за противозаконные действия. В 1941 году служил в карательном батальоне «Роланд» на командной должности. После расформирования батальона «Роланд» привлекался на службу в немецкие вспомогательные отряды, в том числе в шуцманшафт, в батальон 201. Являлся одним из командиров сотни «Черные черти» в повстанческой украинской армии.

Второе: Предлагаю для разрушения и разложения отрядов украинских националистов изнутри внедрять в них наиболее подготовленных агентов. Для этой цели военной контрразведкой подготовлена первая группа. По национальности все они являются украинцами, знающими диалект, обычаи, традиции и менталитет Западной Украины.

Предлагаю устранить наиболее непримиримых и влиятельных командиров УПА. В настоящее время нами разрабатывается операция для ликвидации Филина. Предлагаю называть данную операцию «Черный лес».

Подумав, полковник Михайлов взял чистый листок бумаги и вложил его в каретку машины. На самом верху заглавными буквами набил заголовок

ОПЕРАЦИЯ «ЧЕРНЫЙ ЛЕС»

А потом быстро, стараясь успеть за мыслью, забарабанил пальцами по клавишам. Когда предварительный план был подготовлен, Алексей Никифорович облегченно вздохнул. Получился плотный текст объемом на четыре страницы.

Перечитав написанное еще раз, полковник сделал на полях две коротенькие пометки; отметил, что предварительный план получился основательным и должен найти одобрение в руководстве Главка.

Расписавшись на последней странице, Михайлов с облегчением откинулся на кожаную спинку кресла.

За окном смеркалось. Через какой-то час ночь тяжело ляжет на город и укроет его непроницаемой темной шапкой. По небу разбегутся звезды. Здесь всегда так.

Некоторое время Алексей Никифорович наслаждался покоем. По собственному опыту он знал, что такое состояние будет длиться недолго. Через какую-то минуту придет осознание

того, что он находится в начале длинного ухабистого пути, а значит, взвалил на себя очередную тяжкую ношу, которую придется пронести до самого конца. Спрос с него будет большой – в организации, которую он представляет, скидок за прежние заслуги, пусть даже немалые, не делают.

Докладную с предварительным планом следовало отправить в Москву с курьером – в нынешней обстановке это наиболее надежная связь. Правда, имеется небольшой минус – немного проигрываешь во времени, а вот его как раз и не было... Нужно придумать что-то иное.

Прибывшие в город телефонисты уже прокладывали локальную связь между воинскими подразделениями для координации дальнейших наступательных действий, а также высокочастотную связь для сообщений со Ставкой. В первую очередь ее устанавливали в штабах фронтов и армий. Во вторую очередь шли штурмовые дивизии, а далее – кому как повезет.

Правда, существовали исключения, больше смахивающие на прифронтовые казусы, каких во время войны тоже всегда хватало. Один из таких был связан с полковником Пахомовым, командиром сто сорок первой стрелковой дивизии. Каким-то неведомым образом он получал порой высокочастотную связь быстрее, чем командиры корпусов. А нынешним вечером ему прокладывали линию ВЧ одновременно с командующим Первой армии генерал-полковником Гречко. Командиры дивизий перешептывались, полагая, что молодому полковнику Пахомову покровительствует сам командующий Первым Украинским фронтом маршал Конев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.